

Элина
Градова

ИЗБРАННИЦА
ТЕМНОГО
МИРА

18+

Элина Градова

Избранница тёмного мира

<https://litres.ru/73234927>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня украли прямо со свадьбы! А ведь я должна была стать супругой наследника престола! Но оказалась... в другом мире, жестоком и непонятном. А здесь ждут клеймо рабыни, и страшная участь... Кто виновник моих злоключений? Он кажется смутно знакомым, но не помню откуда. Надо вспомнить, тогда я найду ответы на свои вопросы и, возможно, обрету счастье...

Принцесса Тинатин попадает в Тёмное царство Нуар и становится пленницей Сира Балтазара - сурового владыки тех земель.

Содержание

Часть I. Невеста	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	74
Глава 11	79
Глава 12	85
Глава 13	91
Глава 14	100
Глава 15	107
Глава 16	114
Глава 17	120
Глава 18	125
Глава 19	130
Глава 20	137
Глава 21	144

Глава 22	150
Глава 23	158
Глава 24	163
Глава 25	170
Глава 26	178
Гл	185
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Избранница тёмного мира

Часть I. Невеста

Мир неоднороден, за границами Светлого царства раскинулось Тёмное со своими страшными и жестокими законами. Оно регулярно посягает на мирных соседей, и Светлый мир теряет лучших из лучших, не в силах ничего изменить...

Пролог

– Нам нужна невеста!

– Это ещё, что за новости?! – возмущается матушка в полном испуга столбнячном молчании собственной свиты.

– Руку! – требовательно заявляет мрачный красавец, протягивая свою мне за подрагивающей белым светом рамкой. Все дамы, как по команде, оборачиваются в мою сторону.

Не скажу, что сильно рвусь замуж, или вождедею королевского трона в будущем, но такая альтернатива не слишком желанному браку точно не по мне. Гляжу в эти страшные глаза врага и понимаю, что ничего хорошего они не сулят, при всём при том, успевая оценить его мужественный и манящий для слабого женского сердца облик.

– Не смей! – кричит матушка. – Пока не подашь руку, он ничего не сможет сделать! Без чужой помощи портал ему не преодолеть!

Все дамы заворуженно смотрят, и ничего не происходит, а враг ждёт. Но вдруг за спинами фрейлин начинается движение, и появляется моя дорогая сестра.

– Оливия! – мама бросается к ней, но не успевает.

Всё словно в замедлении: Олли в своём благородном наряде ступает изящными туфельками, а я отсчитываю каждый её шаг, как удар собственного сердца: один, два, три, четыре, пять...

Протягивает узкую ладонь, украшенную изумрудными перстнями, прямо в портал. Пугающий незнакомец хватается за неё и беспрепятственно переступает до этого непреодолимую преграду,

– Благодарю, – галантно, как истинный джентльмен, целует руку дорогой сестрицы и подходит прямо ко мне.

Мгновенный взгляд стальных глаз прожигает насквозь, парализуя волю. Не мешкая, хватается меня за талию и легко забрасывает на плечо. Не обращая внимания на возгласы ошеломлённых дам, возвращается к порталу.

Свисая с плеча лицом вниз, моя жемчужная тиара громко бзынькает о мраморный пол и укатывается кому-то под ноги.

– Зачем ты это сделала, дочь?

Глава 1

Несколькими часами ранее

– Олли, отчего ты грустна? – мы сидим в ночных сорочках на моей большой кровати среди кучи пышных, как взбитая пена, подушек и подушечек, в нашей с сестрой на двоих спальне, и это последний спокойный разговор перед свадьбой. Странное дело, моя младшая, должна бы быть сейчас в приподнятом настроении, не каждый день выдаёшь замуж старшую сестру, но, однако, последнее время я всё чаще вижу необъяснимую тоску в её бездонных зелёных глазах, а сегодня особенно. Мне даже показалось, что веки её странно припухли, будто плакала совсем недавно.

– Нет-нет, Тина, ты ошибаешься, я нисколько не грущу! Вернее, грущу, конечно, оттого, что теперь мы не сможем быть так близки, как раньше, – улыбается Оливия.

– Да, в этом ты права, дорогая, статус супруги наследника престола налагает некоторые ограничения и прибавляет забот: регламент участия в официальных мероприятиях двора, сопровождение супруга во время выездов в свет, балы... Но для моей Олли я всегда найду время. Тем более, мы ведь не расстаёмся, – тут у меня возникает лёгкое сомнение на этот счёт, – ты же не собираешься покинуть дворец?

– Не знаю... – а, вот это новость! Мы с сестрой уже более десяти лет живём при дворе короля Витольда, с того момен-

та, как только было решено, что я стану супругой наследника.

– Ну, ну, не говори ерунды! Сколько тебе было, когда мы приехали в Ютландию? Девять? Ну, да, всё верно, мне двенадцать, а тебе на три года меньше. Наш дом уже давно здесь! – чем же порадовать сестрицу? А, вот, – не успеешь оглянуться, как тоже замуж выскочишь! Счастливая ты, Олли, можешь сама себе суженного выбирать!

– Не могу, – вздыхает сестрёнка, – к сожалению, не могу...

– Вот странная! Кто же откажется взять в жёны принцессу Мигона? Да у тебя претендентов на руку и сердце больше, чем пальцев на руках! Сама не замечаешь никого! Ну, подожди, какие твои годы, ещё влюбишься! А мне не светит...

Я знала это ещё с того момента, когда наши отцы: король Ютландии Витольд и батюшка – король Мигона Хоган пресекли давнюю вражду своих отцов и заключили мирный договор, условившись скрепить его родственными узами, поменив детей. Мы с Оливией были отправлены ко двору Витольда, дабы привыкать к местным традициям и культуре.

Почему меня не отправили одну, не понятно, но такова была воля отца, на всякий случай, наверное, продублировали. Детми он не обижен, одной принцессой меньше, одной больше, не важно, дома ещё пятеро осталось и, главное, наследник есть, а остальные на благо государства в полезные браки.

Жаль у Витольда только один сын, поговаривают, что пер-

венца королевская чета потеряла, хотя официально он не объявлен умершим. Так, что остался единственный престолонаследник, тут уж, как зеницу ока надо беречь. Вот его и берегут. Поэтому принц Кристиан ещё тот фрукт. Слишком избалован и эгоистичен, какой из него правитель? Дадут боги Витольду долгую жизнь и силы, Ютландия будет процветать, а если нет, мой будущий супруг всё пустит на самотёк, или хуже того, развалит. Не получится из него доброго и мудрого правителя, уж я-то вижу. И будь моя воля, не выбрала бы его себе в мужа.

Кристиан красив: высок, строен, светлые локоны спускаются до плеч. Голубые глаза бездонны, но холодны, словно горные кристаллы. Кожа нежна и бела, без единого изъяна, соболиные брови тонкими дугами расходятся к вискам, однако, аккуратный, слегка курносый нос и мягкий подбородок – признаки слабости и капризности характера, а губы слишком пухлы и мягки, они скорее, подошли бы ребёнку, но не правителю государства. Дурная привычка хрустеть суставами тонких длинных и нервически подвижных пальцев, выдаёт в нём неспособность к выдержке и терпению, что не добавляет плюсов наследнику. Чуть, что не по нём – срывается на крик...

Но, как говорить, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Лучше такой наследник, чем никакого. И я ни с кем не обсуждаю будущего супруга, даже с сестрой и только сама себе лишь изредка могу признаться, что гложет мою душу

тоска по несбыточному, по несбывшемуся. По тому, кого я так и не встретила, и не узнала. Л

ишь слабые отголоски памяти, да обрывки странных снов подают редкие знаки, что кто-то заронил в моё сердце живое зерно любви. Ему бы прорасти, дать крепкий уверенный побег, да без полива и ухода ничего не всходит. Сколько не силюсь понять, кто же он – тот садовник, что взрастит цветок любви, не понимаю, вглядываюсь в лица окружающих меня мужчин, но не узнаю, никто не вызывает отклика в моём сердце...

Всё хватит заниматься самокопанием, уже слышу по коридору гулкие шаги множества каблуков: фрейлины во главе со своей королевой спешат собирать невесту к алтарю.

– Всё будет хорошо, дорогая, вот увидишь! – целую в щёку, ободряя сестрицу, а может, себя...

– Девочки! – это мамочка под предводительством свиты модисток и парикмахеров, – вы ещё в спальном и не умытые! Ну, как же так? – она картинно всплёскивает руками, хмурит брови и разрушает нашу сестринскую идиллию, создавая водоворот шумной суеты.

Они с отцом приехали на наше с Кристианом венчание, а с ними вся родня и свита, в общем, полдворца.

– Тина! – продолжает воспитывать маман, – ты же старшая, какой пример подаёшь Оливии, да и младшим сёстрам, – где радость во взгляде? Этот день должен запомниться навсегда, а у тебя такая постная мина, словно, отправляют в

обучение, а не замуж!

– Да я бы лучше обучение ещё раз прошла, – и правда, хорошее время школа, тем более, когда придворные учителя занимались с нами прямо во дворце. Мы с Кристианом ровесники, а Оливия, хоть и моложе, но почти не отставала от нас. Было весело и беззаботно, преподаватели не наказывали, когда мы хулиганили или проявляли лень и невнимательность, лишь хмурили брови, да качали головами, чего же плохого в обучении?

– Не говори ерунды, тебя уже ждёт ароматная ванна, а потом сборы, сборы! Девочки, не расслабляемся, – хлопает она в ладоши, заставляя нас мобилизоваться, – сегодня всё должно быть на высоте!..

Дальше тянется одно за другим: после ванны, какие-то притирания, маски, маникюр. Замысловатая причёска занимает два часа, свадебное платье на манекене вкатывают прямо в наши с сестрой покои, боюсь, что утону в этих рюшах и складках, как в пене для ванной. Корсет на талии уже только от одного взгляда на шнуровку вызывает остановку сердца, как я буду во всём этом дышать?

А матушка всё кудахчет, всё хлопочет, сразу несколько фрейлин склонились надо мной: одна мягкой пуховкой выбеливает кожу – я малость смугловата, другая поправляет шпильки в волосах, третья утягивает корсет. Утомили ещё до торжества. Наконец, маман переключается на сестрицу,

– Оливия! Дочь! Что же это такое?! Чего ты ждёшь? Со-

бирайся, детка, сегодня не твоя свадьба! Столько внимания, как Тинатин тебе никто не собирается уделять, разве что с причёской помогут! Да и мне самой помощь фрейлин нужна!..

Глава 2

Часов через пять мы уже окончательно вымотаны, голодны и готовы к празднику.

Мамочка – истинная её Величество королева Ингид: статная, высокая, гордая и блистательная, сразу видно, человек на своём месте, точнее, троне. Её наряд отликает золотом, а изумрудные серьги невероятно сочетаются с огненно-рыжими волосами, уложенными в замысловатую причёску. Голову венчает изящная золотая тиара – признак королевской власти.

Оливия просто чудесна в своём оливково-зелёном наряде, пышная юбка волнами спускается до пола, лишь изредка показывая узкие мыски модных туфель. Она немного ниже матери, но в остальном – её полная копия, такая же огненная грива собрана в высокий хвост, оканчивающийся тугими спиралями локонов.

У обеих большие зеленовато-ореховые глаза, отчего им очень идут зелёные камни в украшениях. Вместо короны в волосах сестры золотая заколка в виде банта, инкрустированная её любимыми изумрудами. Вообще, все дети королевской четы Мигона на редкость схожи между собой, если не ярко-рыжие, то рыжеватые шатены, белокожие и зеленоглазые. Ничего странного: во внешности отца и матери так много общего, что можно принять их за брата и сестру.

Тем удивительнее, что я удалась в какую-то дальнюю родню: смугла и кареглаза, разве что фигурой и ростом в маму пошла: высокая и стройная. Мой кипенно-белый подвенечный наряд ещё более подчёркивает персиковый оттенок кожи и яркость глаз, а тиара украшена крупным морским жемчугом, как и серьги с колье. Мама – большая любительница драгоценностей знает толк в украшениях, она давно подметила, что моим глазам очень идёт жемчуг и перламутр.

– Девочка моя! – протягивает она руки, богато украшенные перстнями, – какая же ты красавица у меня, настоящая будущая королева! – я подаюсь навстречу, её Величество делает вид, что целует, чмокая воздух рядом с моими щеками, но не касается, не желая испортить мой макияж, да и свой тоже.

Замечаю, как Олли сжимается от этих комплиментов и проявлений материнской любви, и отношу её реакцию на то, что она соскучилась по маме, а ещё грустит от того, что начиная с этой ночи в нашей девичьей останется в одиночестве, а я перееду на половину принца в другие покои. Я решаю поделиться неожиданной материнской любовью с сестрой,

– Мам, погляди на Оливию! – восклицаю, – как она очаровательна сегодня! – и нисколько не лъщу, сестра просто куколка.

– О да, конечно! – мама наконец-то обращает внимание на вторую дочь, но опять съезжает на свою пластинку, – но королевой-то станешь ты! – ох, уж наша мамочка, статус для

неё главное.

Вокруг суетятся разодетые в пух и прах фрейлины, заваливая меня комплиментами, ну как же иначе, поступки королевы – пример для свиты. И вот в этом кудахтанье, напоминающем суматоху в курятнике, когда хозяйка приходит собрать яйца, мы не сразу замечаем, как одна из стен гостиной подёргивается лёгкой дрожащей дымкой, мгла постепенно истончается, выявляя очертания странных существ, а ещё через некоторое время чёткими гранями очерчивается прямоугольная рамка портала. Это уже видят все. Женщины замолкают и замирают в недоумении.

Каждая из нас хоть раз, а некоторые и не единожды видели этот пугающий процесс: визит незваных гостей из Тёмного царства не сулит ничего хорошего, но на этот раз они ошиблись, и боятся нам нечего, они забирают только мужчин. К тому же, для этого существуют определённые дни в году, строго прописанные в договоре о перемирии, так называемая дань Тёмному миру, привычная и неизбежная. Но сегодня не их день. В любом случае, они пришли не по адресу.

– Здесь нет лиц мужского пола, – королева отмирает первой, её уверенный ответ адресован мощному здоровяку примерно лет пятидесяти в чёрных одеждах, появившемуся с той стороны портала, – вы ошиблись адресом! Пришелец молчит и буквально пожирает глазами её Величество.

Она всматривается в него лишь мгновение, затем краска

отливает от её лица, и она лишь одними губами произносит короткое,

– Ты? – я едва успеваю это заметить, как моё внимание отвлекает новый гость,

– Не ошиблись, Ваше Величество, – отвечает некто, появившийся из-за спины первого.

Он так же высок, только значительно моложе и, в отличие от спутника, на нём белая тонкая рубашка свободного, непривычно-простого покроя, однако, не скрывающая широких плеч и мускулистого торса. Этот второй более изящен фигурой и краше лицом. Если бы не огненно-красное клеймо по самому центру лба, идеален. А у его спутника такого нет.

Но пугающий знак гость не прячет: абсолютно белые длинные волосы собраны назад, и лоб открыт. Я могла бы подумать, что он – эльф из сказок, скольких я перечитала немеряно, но их в наших краях отродясь не водилось, да и в Тёмном царстве вряд ли. Тем более, насколько я знаю, эльфам присущи остроконечные уши, а у этого нормальные, человеческие. Только он не человек.

Насколько я слышала, в Тёмном царстве людей нет, куда они пропадают, неизвестно, но ещё ни одному плененному мальчику или мужчине, в которого он мог бы вырасти, не удалось вернуться с той стороны портала обратно. Да и глаза у гостя полны недоброго, почти нечеловеческого огня, вон, как сверкают и пожирают меня, чувствую даже на расстоя-

нии,

– Нам нужна невеста!

– Это ещё, что за новости?! – возмущается матушка в полном испуга столбнячном молчании собственной свиты.

– Руку! – требовательно заявляет блондин, протягивая свою мне за подрагивающей белым светом рамкой. Все дамы, как по команде, оборачиваются в мою сторону.

Не скажу, что сильно рвусь замуж, или вождедею королевского трона в будущем, но такая альтернатива не слишком желанному браку точно не по мне. Гляжу в эти страшные глаза врага и понимаю, что ничего хорошего они не сулят, при всём при том, успевая оценить его мужественный и манящий для слабого женского сердца облик. Стою, как соляной столб и молчу, а мама кричит мне,

– Не смей! Пока не подашь руку, он ничего не сможет сделать, без чужой помощи портал ему не преодолеть!

Все дамы заворуженно смотрят, и ничего не происходит, а враг ждёт. Но вдруг за спинами фрейлин происходит движение, и появляется моя дорогая сестра, она идёт прямо к рамке.

– Оливия! – успевает окликнуть мама и бросается к ней, но не успевает, вижу всё словно в замедлении: Олли в своём благородном наряде ступает изящными туфельками, а я отсчитываю каждый её шаг, как удар собственного сердца: один, два, три, четыре, пять... протягивает узкую ладонь, украшенную изумрудными перстнями, прямо в портал. Пу-

гающий незнакомец хватается за неё и беспрепятственно переступает до этого непреодолимую преграду,

– Благодарю, – галантно, как истинный джентльмен целует и опускает руку Олли и подходит прямо ко мне. Мгновенный взгляд стальных глаз прожигает насквозь, парализуя волю, потом он не мешкая хватает меня за талию и легко забрасывает на плечо, на котором помещаюсь совершенно свободно. И не обращая внимания на возгласы ошеломлённых дам, возвращается к порталу. Я свисаю с плеча лицом вниз, моя жемчужная тиара громко бзынькает о мраморный пол и укатывается кому-то под ноги, а я слышу,

– Зачем ты это сделала, дочь? – истеричный всхлип матери.

– Это моя свадьба, мама! И жених мой, я его всегда любила, зачем вы отдали ей Кристиана?! – я ничего не понимаю, силюсь приподнять голову и скидываю взгляд на сестру. Она смотрит мне прямо в глаза и кричит в слезах, – ну, вспомни же, Тина, твоим женихом был Иден, а не Крис!

И я вспоминаю...

Глава 3

– Эй, люди! Или, нелюди, как вас там?! Отзовитесь, хоть, кто-нибудь! – кричу словно в пустоту, потому, что, похоже, меня никто не слышит.

Нет, мне неплохо физически, я не в темнице, упаси боги! Это вполне приличные комнаты с претензией на покои, я уже обошла все.

Они представляют собой анфиладу помещений, переходящих одно в другое. Ничего пугающего или даже необычного. Где-то зеркальные стены и бархатные портьеры, где-то золотой накат и причудливые картины сцен чуждой жизни в дорогих оправках, незнакомые растения и даже некое подобие фонтана, в центре бежевой мраморной ванны, местами даже вычурная роскошь, но выхода из них нет: окна зарешёчены, двери заперты. А за окнами солнце, никакого адского ада, в Тёмном мире тоже светло, как и у нас. Это – открытие!..

После того, как меня обухом огрели воспоминания девятилетней давности, сознание покинуло тело, и момент, как я была сюда посажена, досадно выпал из моих впечатлений. Последнее, что помню: болталась мешком картошки на плече у свирепого блондина, не имея сил противиться. А ещё, бросив изумлённый взгляд на сестру и мать, услышала напоследок,

– Ну, чего застыли, словно ледяные статуи? Шоу долж-

но продолжаться при любых обстоятельствах! Свадьбе быть, как намечено! Это дело государственной важности! – вот это я понимаю, королевский подход! – Оливия, соберись дочка, теперь тебе придётся стать супругой наследника!..

А потом мы пересекли портал, и он закрылся, сменившись полной темнотой. Было ли и вправду темно, или потемнело в глазах, не ведомо...

На мои вопли в комнату абсолютно беззвучно протискивается странное существо вроде бы женского пола. Абсолютно чёрное, тщедушное тело в немыслимом балахоне цвета и качества грубой мешковины склоняется в подобострастном поклоне передо мной, чуть ли не падая ниц. В первый момент я едва удерживаюсь, чтобы не завизжать от ужаса, никого подобного раньше видеть не приходилось: и в Ютландии, и в Мигоне люди отличаются высоким ростом и особой статью, в большинстве своём белокожи и светлы. Но может это и не человек вовсе?

– Эй, привет, ты кто? – оно хоть понимает, чего-нибудь?

– Чиу, – вот и весь ответ, то ли здоровается, то ли чихает.

– Будь здорово! – говорю на всякий случай.

– И Вам здравствовать, моя Госпожа! – похоже, Чиу – это всё-таки имя. Говорит оно с непривычным акцентом, но мне понятно. Уже неплохо. И голос тонкий женский.

– А, что здесь делаешь?

– Вам служу, – отвечает робко странная особа.

– Где я? – пока не исчезла, надо её расспросить хоть о

чём-то.

– Мне не велено говорить с Вами ни о чём, прекрасная госпожа. Только выполнять Ваши насущные потребности.

– Хотя бы, прекрасная госпожа, уже хорошо, – не собираюсь её мучить, – а, что дозволено?

– Приносить еду, помогать принять ванну, убираться в Ваших покоях... – сосредоточенно нахмурив лоб, перечисляет Чиу, словно сдаёт экзамен.

– Знаешь, я бы поела, со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, – помереть я всегда успею, соображаю на ходу, но вот с голоду, как-то не хочется, тем более, если морить меня не собираются.

– Что есть росинка? – уточняет чернавка.

– Нечего, в том-то всё и дело, что ничего, – пожимаю плечами.

– Я сейчас принесу еду, моя госпожа! – взвизгивает служанка и исчезает так же бесшумно, как и появилась.

А вот мне надо кое-что обдумать: раз меня поселили в приличные апартаменты, да ещё и прислугу выделили, которая будет приносить еду и ухаживать, значит убивать меня или морить голодом в планы врагов не входит. А зачем я им вообще понадобилась? Никогда ещё на моей памяти из Ютландии, да и из Мигона не была пленена Тёмным царством ни одна женщина. Хотя, если у них тут все такие своеобразные красоты, как Чиу, то это даже удивительно. В свете вернувшейся ко мне памяти, вернее, тому её куску, который вы-

пал на целых девять лет, всё произошедшее видится совсем в ином свете...

Девять лет тому назад

-Отпусти! Отпусти меня, несносный мальчишка! – я пытаюсь вырвать свою ладонь из крепкой руки Идена.

– И не подумаю, – смеётся прямо в лицо. И только сильнее стискивает мои пальцы, отчего они горят болью в его крепкой хватке.

– Я не пойду с тобой! Не желаю на чердак, там темно и наверняка водятся привидения! – уже почти плачу, извиваясь и упираясь всеми силами. Но мне тринадцать, я – хрупкая и слабая девчонка, а он уже достаточно сильный пятнадцатилетний подросток выше меня на целую голову.

– Нет, пойдёшь, как миленькая! – нагло смеётся он, – ты же моя будущая супруга, значит, должна следовать везде за своим господином!

– Я ещё не супруга, а ты не господин! – не оставляю надежды отвязаться от страшного путешествия в мир летучих мышей и привидений. Да мало ли ещё, какой нечисти...

– Если не пойдёшь, замуж не возьму! – а вот это удар ниже пояса. Мне хоть и тринадцать, но чётко осознаю всю ответственность перед своим государством и народом – укрепление браком добрососедских отношений с Ютландией. Да и батюшка, хоть и добр, сказал в напутствии, что видит меня только королевой соседнего государства, иной

миссии не предусмотрено, и если что-то пойдёт не так по моей вине, возврата в Мигон для меня нет. И я смиряюсь, и бреду за Иденом, как покорная собачка на поводке, готовая к любой участи.

Дворцовый чердак – это не просто помещение, это царство теней и звуков, плотной паутины и ни кем и ничем не потревоженных пауков или ещё пострашней живности. Сердце моё колотится, как у крольчонка, запутавшегося в силках, готовое к остановке, при любом неожиданном звуке или движении, а этот несносный хулиган тащит всё дальше и дальше от лестницы...

В сущности, Иден неплохой парень, по крайней мере до недавнего времени я считала его таковым. За год жизни во дворце я успела достаточно его узнать. Он честен, добр и открыт, смел и не боится признавать свои ошибки. Уже сейчас видно, что породой он пошёл в отца: темноволосый и при этом сероглазый, прямой нос и волевой подбородок выдают в нём твёрдый характер и мужественную натуру.

Ещё только увидев его на первом приёме при нашем знакомстве, я сразу поняла, что полюблю его всем сердцем, и по детской наивности не скрывала этого. Иден тоже всегда был со мной добр и великодушен, так учил его отец. Мне казалось, что тоже ему нравлюсь.

Но, что-то непостижимое стало происходить с моим наречённым совсем недавно: необъяснимые перепады настроения, сменяющие венценосное спокойствие на бурную

радость, потом вдруг на гнев и обратно. Иден стал дерзить учителям и даже однажды попытался отцу, за что был наказан, и просидел взаперти в своих покоях целую неделю, пока мы с Олли и Кристианом резвились в дворцовом саду, играли в салки и запускали воздушного змея. Моего милого кумира будто бы в одночасье подменили или отравили ядом агрессии и упрямства. Он вмиг стал чужим и опасным, но я всё ещё не хотела этому верить...

Наконец, Иден останавливается и молча прижимает меня к пыльной стене, он тяжело дышит, опаяя мне шею своим прерывистым горячим дыханием. Что он задумал?! Я столбенею, неужели... а его неловкие пальцы пытаются проникнуть в вырез платья, хорошо, что сегодня выбрала с глухим воротом и потайной застёжкой. У него ничего не получается, тогда Иден вдавликает меня в камень всем телом и, поймав губы своими, начинает остервенело целовать, мне это категорически не нравится. Что он такое творит?!

Даже, когда мне удалось умыкнуть в дворцовой библиотеке запретный роман, про какую-то неземную любовь, о котором на всех углах то и дело шептались молодые фрейлины королевы, я не смогла читать те пикантные эпизоды, устыдясь себя самой, а здесь он решил это проверить со мной на яву! Может, он тоже прочёл тот роман? Но ведь я же не женищина, не та героиня, которая таяла от всех этих сомнительных приставаний, мне всего тринадцать лет, я вообще, убеждена, что такое обхождение и реальной до-

стойной даме не понравилось бы.

Поэтому упираюсь обеими руками в его грудь и резко отталкиваю, что есть силы. Наглый мальчишка не ожидая такого категорического отпора, на миг теряется, отступает назад, за что-то запинается и падает навзничь. Пока появляется возможность, я тороплюсь сбежать, уже у лестницы осознаю, что погони за мной нет, останавливаюсь и прислушиваюсь. Тишина. Нехороший холодок пробегает по спине: неужели я его убила? Может, он упал как-нибудь неудачно и ударился головой?! Ведь кругом полно разного хлама, что если он там сейчас умирает?!

– Иден, – робко зову своего обидчика, – в ответ молчание, – Иден!

Я уже реву и бреду среди обломков старой мебели и картин назад, плохо соображая, где его оставила. Наконец, натыкаюсь, чуть не наступив. Нагибаюсь над ним и, приложившись ухом к груди, пытаюсь услышать биение сердца. Когда практически убеждаюсь, что передо мной остывающее тело, и виной смерти моего наречённого стала я сама, негодяй обхватывает меня обеими руками, переворачивается, и я оказываюсь под ним. Он наваливается сверху всей тяжестью, мне не сбежать, даже дышать никак, не то что закричать, да и не услышит здесь никто, разве что привидения. Только, где вот они? Я бы теперь не отказалась, чтобы какое-нибудь пострашней оказалось здесь и помешало моему бесстыжесу насильнику и врагу!

В это время прямо на чердаке начинает мглеть неясная, пока прозрачная дымка, постепенно открывая портал. Но я этого не вижу, отдавая все силы борьбе, Иден не видит тоже, слишком мы оба увлечены одним и тем же, но каждый по-своему...

Глава 4

Текущее время

– Госпожа, вот ваш завтрак! – Чиу снова меня пугает появившись абсолютно бесшумно.

– Завтрак? Стало быть, утро... Это значит, я всю ночь проспала, – я с любопытством рассматриваю содержимое столика на низеньких ножках, напоминающего поднос, если бы не эти коротенькие столбики снизу, это и был бы он.

– Да, моя Госпожа, сейчас утро! – Чиу устанавливает столик прямо на пушистом цветном ковре, покрывающем пол в комнате почти от стены до стены. Приходится усесться прямо на него, поджав под себя ноги. Чиу приносит маленькие расшитые подушки мне под спину. Не успев толком разглядеть содержимое столика, я понимаю, что внутрь моего корсета не влезет ни грамма пищи, да и валяться на полу по уши в кружевах, как-то несподручно: от моих рук до столика пенится целая куча упругих воланов,

– Пожалуй, сначала надо снять этот скафандр, ты поможешь? – обращаюсь к служанке, она с готовностью принимается за шнуровку на спине,

– В вашей стране, так называются красивые платья? – недоумевает.

– Это я в какой-то фантастической книжке прочла, – припоминаю, – но ты права! Все красивые платья – скафандры!

Через некоторое время мои лёгкие вспоминают, что значит дышать полной грудью, и я с удовольствием выпрастываюсь из ненавистного плена. И тут меня посещает совершенно глупая в моём положении мысль: в чём же Оливия пошла под венец со своим возлюбленным Кристианом?

И почему она вообще молчала о своей любви к нему? Я бы уступила, боги свидетели, не стала бы бороться с собственной сестрой за корону. Какого чёрта они все помалкивали, о том, что мы с Иденом были обручены? Щадили мою тонкую душевную натуру? Да лучше бы всё рассказали, когда я очухалась, может, вспомнила бы раньше! Интересно, если бы вспомнила, как жила бы с таким грузом?..

Оставшись лишь в нижнем тонком платье, я чувствую себя, как-то неуютно,

– Чиу, а нет ли в этих хоромах какой-нибудь женской одежды?

– Есть, Госпожа, – радостно кивает прислуга, пойдёмте, покажу.

Пройдя за служанкой пару комнат, вхожу в третью, Чиу нажимает на стену, та сдвигается, открывая глубокую нишу, сплошь увешанную совершенно однотипными, платьями, а скорее прямыми рубашками в пол. Всё их отличие только в цвете. Они развешены в определённом порядке от белого к розовому и красному, затем жёлтые, оранжевые и коричневые, потом резкий переход к чёрным, а за черными висят синие и фиолетовые.

– Что это за странные робы? – не понимаю, – и почему все однотонные?

– Вам разрешено надевать вот эти, – Чиу выделяет своими тонюсенькими ручками группу строго белых балахонов до пят.

– Почему эти? – недоумеваю я, – может мне зелёное хочется. И где зелёное?

– Нет, Госпожа, Ваш цвет пока только этот, – мотает головой служанка.

– Объясни!

– Не могу, мне нельзя заводить лишние разговоры, – отказывается Чиу.

– Ну, как скажешь, – не мучаю её больше, облачаюсь в белую рясу в пол. Ткань мягкая и очень приятная, высокий ворот не давит, разделённый простым вырезом-щелью, вокруг которого вьётся тонкая ручная вышивка, тоже белая.

– Вот! – Чиу протягивает на вытянутых руках несколько цветных поясков, – можете выбрать любой, какой нравится. Я выбираю красный.

Рубаха комфортная, я гляжусь в большое зеркало и нахожу, что она неплохо мне подходит, а поясок, перехватывая талию, и вовсе подчёркивает фигуру. Полюбовавшись нарядом, делаю вторую попытку позавтракать...

Ничто не мешает, теперь разместится на ковре, и я приступаю к изучению блюд. Первое же яство начисто отбивает желание, есть. Мясо, нарезанное тонкими кусками, сочится

кровью,

– Что это за гадость? – пытаюсь задавить в себе тошнотворные позывы.

– О, Госпожа! Это подсвин в собственном соку, освежёванный не более часа тому назад, истинный деликатес!

– Ничего себе, деликатес! Ещё бы живьём принесли! – отдаю ей блюдо с подсвином, умоляя, – выкинь, пожалуйста!

– Что Вы, Госпожа! Это же очень вкусно и дорого к тому же! – круглит удивлённо глаза Чиу.

– Если хочешь, съешь сама, – предлагаю великодушно.

– Но, как же так? – поражается женщина, – мне такое нельзя!

– Так и мне нельзя, – пожимаю плечами, – я же человек, а не собака сырым мясом питаться.

– Вы не поняли, мне нельзя, потому, что рабам не положена пища господ, – мотает бедняга головой, а сама глядит на кровавого подсвина голодными глазами.

– А, мы никому не скажем! Ешь, Чиу, я приказываю! Я же твоя Госпожа?

– Да, моя Госпожа, – соглашается служанка. Да она ещё и раба оказывается. Как же у них тут всё запущено!

– Ну так и выполняй приказ: ешь, если сможешь, конечно, не настаиваю... А, я выберу что-нибудь побезобидней.

После такого моего распоряжения Чиу больше ничего не дожидается и в мгновение ока уписывает кровавого подсвина, только за ушами пищит, стараюсь на это не смотреть. Я

же обнаруживаю нечто похожее на хлеб и подобие сыра, блюдо с диковинными фруктами и незнакомый пряный напиток в широкогорлом кувшине. Чиу пытается мне прислуживать, но я справляюсь сама,

– Не дёргайся, у меня руки на месте, лучше сама поешь спокойно, – она послушно кивает и отступает, а я предлагаю, – на вот, тут компот какой-то, запей хоть деликатес-то. Чиу слушается меня, глядя восхищённым благодарным взглядом. А я улыбаюсь в ответ и впервые вижу её улыбку. Да она молода, почти девчонка и довольно миленькая, как я сразу не разглядела за чернотой. Но вот под кудрявой чёлкой у Чиу такое же уродливое клеймо, как у похитившего меня свирепого блондина, разве что менее заметное из-за тёмного цвета кожи,

– Чиу, что это за тавро у тебя на лбу?

– Этот знак ставят всем пленникам Нуарленда, – легко пожимает плечами девушка.

– Это признак рабства? – не отстаю я.

– В начале все, кого приводят в Нуар – рабы, а дальше, как пойдёт, – разводит она руками. А я хватаюсь за собственный, пока ещё идеально чистый лоб. Чиу понимает мой жест по-своему, – не беспокойтесь, Госпожа, Вас тоже пометят.

– Вот радость-то! – мне абсолютно не улыбается получить такую красоту на собственное чело. Но это ещё полбеды, надо же, как «повезло»: из принцессы, без пяти минут будущей королевы Ютландии, я оказалась рабыней в Тёмном царстве!

– Так положено, – пожимает плечами служанка.

– А, тот высокий крепкий блондин, который меня уволок со свадьбы, он – раб?

– Он Сир, Госпожа.

– Что это значит? – почему-то меня беспокоит этот человек или не человек, даже не знаю.

– Мне не положено так много болтать, моя Госпожа, – Чиу виновато опускает курчавую голову, – накажут за болтовню.

– Ладно, можешь не отвечать, разберёмся... – сразу самоубиться или подождать немножко? Может, сначала поем, а потом и за дело?..

Не успеваю толком позавтракать, как слышу слаженный топот нескольких ног, явно мужских, приближающийся к моим покоям. Чиу испуганно втягивает голову в плечи и пытается сделаться ещё меньше, чем она есть, исчезнуть, не сходя с места.

Двери распахиваются без предупреждающего стука, и к нам входят трое здоровенных мужиков, одетых в коричневые кожаные жилеты на голые торсы и такие же штаны, заправленные в высокие сапоги, по-видимому, это форма. Длинные волосы собраны в тугие косы, странная мода у здешних мужиков. В целом они ничем не отличаются от мужчин Мигона и Ютландии, только у всех троих уродливые клейма на лбах. Я невольно касаюсь своего пока ещё девственно-чистого лба.

– Вы угадали, реи, мы как раз за этим и пришли, пройдёмте с нами, – приглашает один из них.

– Что такое реи? – цепляюсь за незнакомое слово, оттягивая неизбежное.

– Сударыня или мисс, или мадмуазель, – хмыкает незнакомец. Его говор и постановка фраз в корне отличается от манеры общаться моей служанки, он говорит так, будто я дома среди своих. Он – мой земляк или бывал там! Я немного смелею от этого открытия,

– Куда Вы меня собираетесь вести?

– Поставим знак, – он показывает на свой изуродованный лоб, – и вернём назад, если не будет иных распоряжений. А меня начинает колотить от ожидания неизбежной скорой боли и того непоправимого, что на всю жизнь испортит моё лицо.

– Это обязательно? – пячусь задом.

– Необходимо, – спокойно заверяет мужчина, – так что мой Вам совет, реи, расслабьтесь и смиритесь. Раньше сделают, раньше заживёт.

От таких добрых слов сами собой слабеют колени, подкашиваются ноги, и я валюсь в обморок...

Глава 5

Прихожу в сознание под гомон толпы на шумной незнакомой площади. Открываю глаза и вижу в плотном кольце зевак вереницу разномастных существ, не могу объединить их одним словом люди, слишком разные все. Хотя люди среди них точно есть, в основном мальчишки-подростки и пара молодых мужчин. Остальные – мелкие чёрные пигмеи обоего пола, похожие на Чиу, наверное, её соплеменники. Вид у всех довольно зашуганный.

Отслеживаю начало очереди и упираюсь глазами в лобное место: каменная печь с пылающим в ней огнём, а рядом здоровый детина в потной, когда-то белой простой рубаше, а на груди передник из толстой кожи. Он походит на кузнеца, из какой-нибудь Ютландской деревни, да только, не куёт.

В его руках длинная кочерга, увенчанная витиеватой насадкой, в которой нетрудно узнать тот самый знак, что красуется на лбах у всех, кого я здесь видела. Нет, не у всех! Тот первый, что открыл портал, у него не было клейма, точно!

Двое дюжих молодцов подводят очередного пленника к клеймителю, фиксируют его голову в жёстких железных тисках, а руки удерживают за спиной, чтобы не сопротивлялся.

Палач долго калит своё орудие в огне печи и вынимает оттуда раскалённым докрасна, подносит ко лбу очередной жертвы. Парень брыкается, вырывая руки из захвата и, ни-

чего не может сделать, тем более, голову не вырвешь. Кузнец демонстративно медленно подносит красный цветок к его лицу, слегка задерживая на уровне глаз жертвы.

Пленник держится до последнего, но ощутив жар металла практически около глаз, начинает истошно орать, публика неистовствует в кровожадном восторге, клеймо с шипением прилипает к идеально чистому лбу, и крик жертвы превращается в раздирающий душу вой. Тело свежепомеченного обмякает, руки слабнут, да его больше никто и не держит, и он повисает, как матерчатая кукла, подвешенная за голову.

Дюжие молодцы, которые только что держали пленника, открывают тиски, вызволяя жертву, и оттаскивают шатающегося парня в сторону к таким же. Там неопрятная бабка в черной накидке смазывает его многострадальный лоб подозрительным зеленоватым кашеобразным варевом. А в это время новая извивающаяся и орущая жертва уже готовится принять клеймо раба Нуара. Мне опять становится плохо, и я оседаю прямо на землю. Заботливые спутники, поняв мою тонкую душевную организацию, поднимают под руки и волокут поближе к палачу, так сказать, по благу, без очереди. Сейчас умру...

Лохматый пигмей, благодаря моим сопровождающим, немного выигрывает время перед своей пыткой, замечаю, как он радуется, отступая под давлением надсмотрщика, а я занимаю его место. Думаю, он и без чьей либо помощи, уступил бы. Надо же, никто не торопится меня оттеснить и не

пытается доказать, что я здесь не стояла, уступают первенство со всей душой. Ну, конечно, я же принцесса, как-никак!

А моя голова тем временем попадает в жёсткий захват тисков. Я, не мигая, люблюсь, как краснеет кочерга в печи, а потом заворуженно смотрю, как кролик на удава, на приближающуюся печать. Палач даже не пытается произвести на меня впечатление, под недовольство толпы, что мало поигрался с жертвой, стремительно подносит огненную железяку прямо к моему челу. Я не в силах сдержаться, с крика перехожу на визг, но тут вдруг процесс останавливается.

Никто не обратил внимания, что мне на лоб упала чёлка, заслонив фронт работ. Палач командует моей стаже, тот самый парень, что разговаривал со мной перед тем, как привести сюда, забегают спереди и убирает волосы, незаметно вытирая слёзы с моего лица, и шепчет, вдруг перейдя на «ты»,

– Не бойся, реи, зажмурь глаза и держи мою руку покрепче, всё произойдёт быстро. Я попросил Конда, чтобы не мучал тебя, он лишь слегка коснётся, глубокого ожога не будет.

– Спасибо, – шепчу благодарно, – я постараюсь.

Пока, суть да дело, кочерга остывает, и Конд снова начинает разогрев. Я, смирившись с неизбежным и получив некоторую неожиданную поддержку, беру себя в руки, решив принять свою участь с достоинством. Через пару минут процедура повторяется вновь. Когда красный цветок уже почти опалает жаром мой лоб, а я вот-вот снова сорвусь на крик, палач вдруг резко останавливается, застигнутый власт-

ным окриком, и опускает своё орудие. Я слышу, как кто-то говорит, не терпящим возражений тоном,

– Не смей клеймить, она – моя гостья! – интересно, чья я гостья? Кто это такой гостеприимный чуть не довёл меня до инфаркта? К сожалению, голова так жёстко зафиксирована в тисках, что могу только скосить глаза, но это не даёт никакого обзора. Мой благодетель, тем временем удаляется, и когда я оказываюсь на свободе, то вижу лишь изредка мелькающую прямую спину за спинами свиты. Кто же он? Интересно, такую белую косу носит кто-нибудь ещё в этом царстве, или она есть только у одного?..

– Пойдём, реи, – меня подхватывает под руку всё тот же сопровождающий, – я отведу тебя домой.

– Домой, – повторяю за ним словно эхо, – если бы ты мог отвести меня домой... Как тебя зовут, добрый человек?

– Уго.

– Это твоё имя? Оно странное. Мне кажется, ты из Мигона. Говоришь, как на моей родине и выглядишь, как земляк, – мой провожатый типичный мигонец: высок ростом, светлокож, голубоглаз и румян, и волосы, цвета спелой пшеницы, – разве что причёска смущает, – густые пряди сплетены в длинную свободную косу. В Мигоне мужчинам не пристало отращивать волосы.

– В Нуарленде каждый получает новое имя вместе с этим, – и он тычет пальцем себе в лоб, – но ты-то не из Мигона, реи, тебя привели из Ютландии.

– Не привели, а приволокли, – уточняю, – родом я из Мигона и до двенадцати лет там жила, – о том, что во дворце, умолчу, не знаю, может, это мне навредит.

– Выходит, землячка, – улыбается Уго, уводя меня дальше от душераздирающих криков новой жертвы.

А я тороплюсь воспользоваться расположением парня, закидываю его вопросами,

– Кто отменил затею с моим клеймом?

– Сир Балтазар, – отвечает охотно.

– Кто он?

– Владыка Нуара, всё в его власти, – с искренним уважением отвечает спутник.

– Выходит, я его гостья?

– Выходит, так, – соглашается Уго.

– Но я не знаю сира Балтазара и в гости к нему не собиралась.

– Сир умеет удивлять, – усмехается парень.

– Да уж! – возмущаюсь и решаю поделится со своим земляком, вмиг ставшим для меня единственным близким человеком здесь, – представь, меня умыкнули с собственной свадьбы, вернее, прямо перед ней, видимо, по его приказу, из-под венца, можно сказать.

– Не было никакого приказа, реи, – смеётся Уго, – тебя доставил сам Сир.

– Вот, как?! – теряюсь, не зная, что и сказать. На ум приходит масса вопросов, задаю главный,

– Почему меня?

– Это знает только он...

Глава 6

За разговорами, мы подошли к красивому большому дому из розоватого камня, или, скорее, маленькому дворцу. Он божественен, ничего подобного видеть не приходилось! Миленькие башенки, похожие на луковицы, венчают его крышу, весёлый флюгер в виде длинноклювой птицы, указывает направление ветра, большие окна, отражают бликами солнечные лучи. После того, как мне отменили клеймо, настроение поднялось изрядно, так что жизнь заиграла новыми красками. Но маленький дворец просто покори́л моё сердце, он такой нежный и воздушный, будто клубничный зефир.

– Сир дарит этот дворец тебе, реи, – вглядывается в меня, словно увидел впервые, – видно, особенная ты гостья.

– Всё чудесатей и чудесатей! – как выражалась моя нянька, – да, ваш Сир умеет удивлять!

– Он очень хороший владыка! Лучший из всех, что до него были! – с восторгом подхватывает мой спутник. Да парень попросту двинут на своём господине. Это – нормальная практика, у нас тоже так принято, действующего короля восхвалять, как величайшего из всех великих во все времена и народы, а потом так же активно забывать, восхваляя следующего. Так что не ведусь, просто меняю тему,

– А, как же Чиу? Она осталась там, – беспокоюсь за служанку, хотя и знаю её полдня, – вроде неплохая девчонка?

– Если пожелаешь, передам твою просьбу Сиру, и возможно рабыню оставят тебе в личное услужение, – предлагает Уго.

– Передай, пожалуйста! – тут меня осеняет ещё одна мысль, – и передай Сиру, чтобы тебя оставил тоже! Хотя, прости, ты же не раб?

– Не-ет! – смеётся Уго во все свои тридцать два, отчего на румяных щеках появляются симпатичные ямочки. Девчата в Мигоне передрались бы за такого парнягу. Интересно, он женат? Может у него ревнивая жена и выводок детишек, а я тут себе его заполучить планирую,

– Тогда, тебе решать, конечно.

– Сир уже назначил меня твоим телохранителем, реи, – улыбается застенчиво. Он, всё-таки, чертовски красив, мой телохранитель Уго.

– Когда, успел-то? – недоумеваю.

– Пока ты валялась без сознания на площади, – смеётся. Вот стыдобища! Краснею, наверное...

Тем временем, мы заходим во дворец. Красота и воздушность, манящая мягкость пушистых ковров, невесомость занавесей на огромных окнах, белый камень полов и ступеней лестницы сразу влюбляют меня в это место. Чувствую себя феей, а это – мой дом, который я давно искала. Он словно наполнен уютным теплом домашнего очага. Здесь даже дышится очень легко. Особая аура душевного тепла и покоя окутывает незримой вуалью защищённости. Чувствуется, что кто-

то вложил в этот маленький дворец всю душу, и эта душа была полна любви...

Но мучает вопрос, родившийся после фразы, сказанной Уго,

– Так он знал, что мне собираются поставить клеймо и не останавливал палача, пока не напугал меня до смерти?! – вот тут уж нет предела моему возмущению.

– Знал... Но не смей осуждать его, реи, он же передумал, хоть и в последний момент. Сир Балтазар вовсе, не жесток, во всём есть смысл, – отвечает молодой человек, притворяя ажурную дверь.

– Не жесток?! – меня несёт поток гнева, совсем ослеп от обожания своего ненаглядного Сира, – а как же те несчастные, кого он не пожалел? Всем остальным приварили лбы, будь здоров! Да ты сам-то – жертва его доброты! – я указываю Уго, на его же лоб.

– Это не он, реи, когда я попал в Нуарленд, властителем был другой, – отнекивается телохранитель. Но меня не заболтаешь,

– Но сегодня-то был он и вчера он, и позавчера, наверное!

– Этот знак, – Уго проводит указательным пальцем по выпуклым линиям клейма, – пропуск в здешний мир, у Сира на лбу такой же. Думаешь, он сам себе поставил?

– А, тот чёрный демон, что приходил за мной вместе с ним был с чистым лбом, я точно помню!

– Тем, кто урождён в Нуаре или нуарец по крови, клейма

не надо, они и так, никуда не денутся, и выживут здесь легко. Да оно на них и не встаёт.

– А, как же я? – звучит так, будто я тоже уже хочу себе его поставить, – я не выживу?

– С тобой всегда буду я, – успокаивает Уго, – по крайней мере, пока Сир не прикажет иного.

– Выходит, моя судьба полностью во власти Сира?

– В его власти судьбы всех жителей Нуара, – отвечает совершенно спокойно Уго и продолжает, замаявшись, – я должен обращаться к тебе на Вы, похоже, ты очень дорогая и высокая гостья, реи.

– Не смей, Уго! – только этого ещё не хватало, – ты, наконец, одних лет со мной, единственный мой друг! Называй меня Тина, поскольку нового имени мне не дали и, конечно же, на "ты". Давай обходиться без лишних церемоний.

– Договорились, – улыбается красавчик, – но в обществе буду на Вы, госпожа.

– Ты прямо, как Чиу! – смеюсь в ответ, – такое раболепие.

– Я не раб, – напоминает Уго, – я свободный гражданин на службе Сира.

– Прости, свободный гражданин, – меняю тему разговора, – лучше покажи мне дворец.

– Да я и сам здесь впервые, – смеётся.

– Тогда, пойдём на экскурсию.

И мы обходим мои новые владения. Пока, мои. Я помню, что это подарок, но не забываю, что, всё-таки гостья здесь, а

не хозяйка, и вообще, может, в рабском статусе. Как только у Сира сменится настроение, могу оказаться в каком-нибудь подземелье, или, как Чиу служить, какой-нибудь госпоже, с него станется...

Во дворце всего два этажа: на первом большая круглая гостиная с огромными окнами в пол, длинными воздушными занавесями, колыхающимися от малейшего движения воздуха, элегантными диванами. Хотя, как я поняла, в Нуаре любят поваляться на коврах, здесь они повсюду, да ещё и с грудами миленьких цветных подушек.

А ещё много зелени, в том числе и в доме, кругом причудливые лианоподобные растения, растущие из белокаменных высоких коробов. По веткам этих растений скачут маленькие разноцветные птички, неизвестные мне, и щебечут так звонко, так мелодично, будто созданы лишь для того, чтобы услаждать человеческий слух.

За плотными дверями гостиной большой бассейн кремowego мрамора с симпатичным фонтаном в виде обнажённой прекрасной девы посередине, и огромная стеклянная чаша на высоком постаменте. Сквозь её прозрачные стенки видны диковинные рыбки радужных расцветок и причудливое кружево голубоватых водорослей.

– До чего же здесь красиво, – не могу сдержать восхищения, – такой прелести я не видела даже в отцовском дворце, – вот я и проболталась, – да и в Ютландии нет такой красоты!

– И вправду, красота! – мой спутник тоже приятно удив-

лён.

– Это, что же выходит, Тёмный мир не настолько и тёмен, раз здесь так ценят красоту и чувство стиля?

– Вообще-то, в Нуаре всё, что я встречал, намного грубее и жёстче, этот маленький дворец для меня неожиданное открытие! Я бы сказал: жемчужина местной архитектуры.

– Уго, а кто здесь жил раньше?

– Не знаю, – пожимает плечами телохранитель, – он очень долго пустовал. При мне точно здесь никто не жил. Ходят слухи, что когда-то его построил один из магов, а может, предшественник нынешнего Сира для любимой. Но кто она была, и что с ней стало, об этом – тишина. Ничего не известно.

– Наверное, он очень её любил, раз создал такую роскошь и красоту!

– Думаю, да! Без любви такое чудо не создашь...

– А птички, рыбки, растения, всё ведь живо, значит, поддерживал кто-то?

– Это всё новое, – обводит руками Уго, – Сир Балтазар распорядился, ещё вчера, когда вернулся с тобой из Юты, да и мебель обновили частично.

– Ого! – гордость и волнение булбуряют мою душу, – кто же такой этот таинственный Сир?

– Вот и я думаю, кто же ты такая, таинственная реи Тина? – Уго изучает меня с головы до пят, – если наш неприступный суровый Сир Балтазар сделал тебе такой подарок?

– Пойдём наверх, Уго, посмотрим, что там, – если бы я только могла знать, кто я такая, чтобы стать почётной гостьей владыки Тёмного царства, такой особенной, что смогла избежать обязательного клеймения, которого не избежал сам Сир.

– Тут внизу есть ещё кухня и несколько комнат для прислуги, через некоторое время Сир пришлёт, кухарку, прачку и садовника, – поясняет Уго. А мы поднимаемся по причудливой воздушной круговой лестнице, украшенной витыми перилами в виде лиан на второй этаж.

Наверху всего лишь три помещения, это большие прекрасные спальни с туалетными и гардеробными комнатами: белая, розовая и голубая.

– Зачем мне столько? – не понимаю.

– Одна – твоя, во второй поселишь компаньонку, – поясняет Уго.

– А в третью тебя! – опережаю его с ответом.

– Ну, нет, – мотает головой красавчик, – твой статус неясен, Сир снесёт мне башку за такое соседство, – я уж, как-нибудь внизу с прислугой.

– Не пугай меня, Уго, – он спустил меня с небес на землю, – мне не нужно внимания вашего славного Сира и дворца этого не нужно, я хочу домой!

– Ещё никто не уходил из Нуара, но пока у тебя нет клейма, шанс остаётся, – задумчиво говорит телохранитель, – только кто откроет тебе портал?

– Ты, – осеняет меня, – ты можешь меня вернуть! И неужели тебе самому никогда не хотелось вернуться домой.

– Портал не открывается простым смертным. И потом... Видишь это! – Уго в очередной раз показывает метку на лбу, она у него достаточно заметная, но не такая кровавая, как у Сира, – она не пустит! Как только я приближусь к рамке, она нальётся кровью и будет нещадно жечь. Если даже мне удастся перетерпеть боль, перешагнув портал, далеко не уйду, а если попытаюсь, упаду замертво.

– Но Сир перешагнул и не упал, когда приходил за мной, – возражаю.

– Сир прошёл при помощи ритуала, к тому же он наделён особой силой, пока в его руках власть, но поверь, и ему тоже было трудно.

– Хорошо, оставайся, – мой план рушится прямо на глазах, – но выпусти хотя бы меня.

– У меня нет магической силы открыть портал, Сир брал с собой Йорга.

– Это тот таинственный дядька в чёрном? – припоминаю я.

– Да, он урождённый маг, ему подвластно многое.

– Что ж, придётся подружиться с Йоргом, – я уже строю новую стратегию побега.

– Даже не вздумай, – всплёскивает руками Уго, – он верен Сиру до кончиков своих волос.

– Кстати, я смотрю, здесь принято мужчинам носить длин-

ные волосы.

– Только свободным. По длине волос всегда можно понять, как давно раб стал вольным. Даже у женщин волосы острижены, если они рабыни, так легче поддерживать гигиену и не плодить ненужной докучливой живности в волосах.

– Надо же, как интересно! В Ютландии у всех женщин длинные волосы.

– Как и в Мигоне, а все мужчины, независимо от статуса достаточно коротко пострижены, – резюмировал Уго, потом вернул меня к действительности, – ну так что? Какую опочивальню выберешь, моя Королева?

– Ого! Была просто реи, а теперь уже и Королева?! – смеюсь на его обращение, – быстро же я двигаюсь по карьерной лестнице, даже очень стремительно, такой рост за один день! Не свалится бы в одночасье на дно.

– Чует моё сердце, неспроста ты здесь появилась, неспроста, – пророчит Уго, – грядут большие перемены в Нуарленде.

– Я, пожалуй, выбираю белую, – сбиваю его с темы, – хотя марковато, конечно, но розовый слишком сентиментален и романтичен, а голубой – холоден.

– Верный выбор, реи! – одобряет Уго, – белый цвет нынче твой!

– Мне Чиу уже сказала об этом, но я не поняла, почему?

– Свободные девушки и мужчины в Нуаре носят только белые одежды. Девушки полностью, у мужчин рубахи белые,

а штаны любого цвета не возбуждаются.

– Но у тебя коричневый жилет, Уго, – констатирую факт, – это что-то значит?

– Это всего лишь форма личной гвардии Сира, но пока я с тобой, буду носить обычную одежду – белую, – ага, значит, всё-таки, свободен, – констатирую про себя хорошую новость.

– А в тех покоях в шкафу была целая палитра, – недоумеваю я, – для каких случаев?

– На все случаи жизни, – те покои были не твои, там иногда селят высоких гостей, вернее, гостей, поэтому ниша полна платьев на любой случай.

– Ты расскажешь мне про все случаи, Уго? – похоже, я без своего телохранителя теперь, как без рук.

– Реи, я, конечно, расскажу всё, что знаю сам, но скоро у тебя появится компаньонка, ты обо мне и не вспомнишь.

– Может, она мне не нужна? – задумываюсь.

– Нужна, нужна! – уверяет парень, – не все секреты жизни в Нуаре я могу с тобой обсуждать.

– Посмотрим ещё, кого пришлёт Сир мне в компанию...

Глава 7

В это время послышался шум на первом этаже, мы идём вниз. В гостиной собралась очень колоритная компания: две женщины – такие же стриженные смуглянки, как Чиу, одна кругленькая в ямочках, а вторая жилистая худощавая, жмутся друг к дружке, словно напуганные птички, и белый пожилой мужчина с тощей седой косицей до лопаток, в отличие от барышень уверенно-спокоен. Он выступает на шаг вперёд и, учтиво кивнув чуть заметным поклоном, произносит,

– Здравствуйте, прекрасная реи, я – садовник Куан, – буду следить за Вашими растениями в доме и вокруг него.

– Очень приятно, Куан, – киваю в ответ, – зовите меня, Тина.

– С удовольствием, реи Тина, – улыбается и ещё раз кивает.

Следующей по очереди выходит округлая пышка небольшого роста, а она довольно миловидна, я уже за темнотой кожи научилась разглядывать черты, так бы и назвала её Пышечка, но она представляется,

– Кроу, Ваша повариха, моя Госпожа, – и пытается бухнуться на колени. Я едва успеваю перехватить,

– Очень приятно, Кроу, – киваю с одобрением, удерживая её от подобострастного порыва, а она в ответ улыбается так широко, что я не могу удержаться, чтобы не одарить её от-

ветной улыбкой. Мне кажется, повариху я уже люблю, хотя и не пробовала пока её стряпню.

– Я Ири – прачка, и ещё буду помогать с уборкой Вашей личной служанке, Госпожа! – женщина не кидается на пол, а лишь приседает в подобии книксена и немного наклоняет голову. Она, напротив, мускулиста и поджара, по её рукам можно понять род занятий. Они покрыты коростами или, как говорит простой люд в Мигоне: цыпками, а моклышки указательных пальцев стёрты до ссадин и красноты. Надо срочно найти ей целебное снадобье из местных, а то какая же стирка, до костей что ли, ободрать всё?

– Рада вас видеть в своём доме и, думаю, мы поладим, – подбадриваю женщин, садовник спокоен и так, а вот рабыни немного взволнованы, хотя Кроу не подаёт вида. Эх, меня бы кто подбодрил! – это Уго – мой телохранитель, слушайтесь его во всём. Уго, – обращаюсь к парню, – разберитесь с комнатами внизу, пожалуйста, – а я пойду наверх...

Через час жизнь в доме кипит, словно самовар на огне, с кухни начинают разноситься аппетитные ароматы, Кроу получила полный карт-бланш с одним условием: никаких кровавых деликатесов. Куан хозяйничает в саду, Ири помогает, чем может поварихе, а радостно примчавшаяся Чиу, готовит мне ароматную ванну по всем правилам Нуарского банного искусства. Я не стала мучить девочку и предложила спустить большую бочку вниз к бассейну, чтобы бедолаге не бегать туда-сюда с вёдрами.

А мне уже не так страшно, как в первые сутки! Больше того, начинаю верить, что жизнь в розовом дворце понравится. Это, вообще, Тёмное царство или рай? Надеюсь, что этот уютный мирок не превратится для меня в райскую клетку. Как же не хочется разочароваться...

Когда ванна в бочке готова, я с удовольствием ухажу в заплыв с лепестками диковинных ароматных цветов, балансируя на границе сна и яви. Наконец-то мне удаётся расслабиться и снять с себя негатив последних двух суток...

Сон

Я бегу по цветущему маковому полю, растения равномерно колышутся алыми макушками, и кажется, что они кивают мне, приветствуя. В душе разливается радость, словно в ожидании праздника. Предчувствие, что обязательно кого-то должна встретить здесь, среди цветов не покидает меня. Кого-то важного и небезразличного. Вглядываюсь вдаль, но насколько видят глаза, до горизонта разливается только кроваво-красное маковое море и больше ничего.

Начинают одолевать сомнения, что двигаюсь не туда, надо повернуть в сторону или вообще, возвратиться, но я всё бегу и бегу вперёд. Постепенно нарастает какой-то шум, всё больше напоминающий плач, зов и гомон толпы. Я останавливаюсь, пытаюсь сосредоточиться и понять его источник, опускаю веки, чтобы не отвлекало ничего. Немного постояв, осознаю, что звуки окружают со всех сторон. Открываю глаза, вместо цветов повсюду вокруг меня люди, а маки цветут

на их изуродованных лбах...

Просыпаюсь в шоке, сначала ничего не понимаю, потом возвращаюсь в реальность, рядом испуганным воробьём скачет Чиу, подливая по стеночке бадьи горячую воду,

– Простите, Госпожа, что не решилась Вас тревожить, Вам приснился дурной сон? Это потому, что вода остыла! – вinitся девушка.

– Всё нормально, я не успела озябнуть, просто сон.

– Я приготовила горячее полотенце и тёплый халат для Вас, – успокаивается прислуга, раскрывая мне свои объятия с полотенцем.

Боже, как естественно получать такую привычную заботу, по-другому жить я не пробовала никогда. А вот если бы сейчас в рабстве оказалась?!

– Прикажете подать обед в покои, Госпожа, или накрыть в гостиной?

– В покои, Чиу, я слишком устала, – после такого кошмара, который прошла, надо восстановить силы...

После трапезы, оказавшейся вполне съедобной, благо с рекомендациями постарался Уго, который порывшись на задворках памяти, припомнил, чем питаются в Мигоне и, как готовят, я прошу не тревожить меня до вечера, а лучше до завтра, и падаю в мягкую постель. Но сколько ни силюсь заснуть, сон не идёт, меня опять накрывают воспоминания...

Девять лет тому назад

В пылу неравной схватки мы с Иденом не замечаем, как на

пыльном тенётном чердаке появляется белое свечение. Сначала оно едва пробивается сквозь дымку, но потом, по мере её истончения, становится всё заметнее и ярче. Наступает момент, когда не заметить свет уже не возможно.

Иден вскакивает на ноги, я, получив неожиданную свободу, тоже. Едва успеваю оправить платье, как свет оформляется в прямоугольную рамку во взрослый человеческий рост, и на той стороне, словно в дверях, появляются люди. Это крупные мускулистые мужчины довольно сурового вида. Они какое-то время разглядывают нас, а мы заворуженно смотрим на них. Затем, один из пришельцев обращается ко мне,

– Он обидел тебя, принцесса?

– Да, – киваю, не в силах смолчать.

– Накажи его, теперь твоя очередь, – подбадривает чужак, не пересекая рамки. А Иден стоит и смотрит во все глаза, не произнося ни слова в своё оправдание.

– Он сильнее, – обиженно жалуясь.

– Тогда, позволь мне его проучить, – предлагает незнакомец и протягивает руку. Я, топаю к рамке, как будто примагничиваюсь и...

О боги! Я вспомнила! Я подала руку! Точно так же, как несколько часов назад это сделала Олли!

Всё остальное, проходит, как по нотам: чужак легко преодолевает светящийся рубеж, подав в свою очередь руку товарищу, вдвоём они скручивают наследника. Тот, что по-

здоровее, взваливает на себя упирающегося Идена, и они возвращаются обратно в портал. Последнее, что я вижу перед тем, как рухнуть без чувств, обиженные серые глаза мальчишки, слишком слабого и мелкого по сравнению с похитителями. В этих глазах светится глубокая обида и незаданный вопрос,

– За что, Тина?!

Сколько я пролежала на чердаке, не знаю, а очнувшись, не смогла объяснить ни окружающим, ни себе, как там оказалась. Я никогда не жаловалась на свою память, все события до визита в это проклятое место, прекрасно помню, начиная лет с двух своей сознательной жизни, но те полчаса во мраке чердака, погрузились во мрак моего сознания, категорически отказавшегося их воспроизводить вплоть до вчерашнего дня.

– Всему своё время, – говаривала старая нянька, которая ходила за мной до самого отъезда в Ютландию, – ничего не бывает не вовремя, у любого дела: подвига, предательства, жертвы, слабости, а равно и силы, свой урочный час. Вот и наступил мой урочный час, пришла расплата за подлость, а ведь на меня даже никто и не подумал. Где только не искали наследника! Не нашли. Потом подумали, что его выкрали враги и потребуют отступного в виде спорных земель за возврат, но никто не потребовал, и тела не обнаружили. А я все эти дни провалялась в койке под наблюдением дворцового лекаря в полном беспамятстве...

Текущее время

Теперь же все обрывки фраз окружающих, которым не придавала значения, не понимая, о ком идёт речь, сложились в общую слитную картину: Ютландия потеряла престолонаследника, но договор с Мигоном была намерена выполнить, поэтому я по-прежнему становилась королевой, только королём не Иден, а младший брат Кристиан. А я ведь даже не заметила подмены! Как это возможно?! Услужливая память, дабы не тревожить принцессу дурными мыслями, начисто прибралась в моей голове и, даже если не выбросила на свалку окончательно воспоминания об Идене, то упрятала их под таким надёжным покровом, что и не найти...

Господи! Что же он пережил тогда! Оказавшись в этом странном жестоком мире! Это я тут во дворце нежусь, а ему какая досталась доля? Мысленно примерив на себя роль рабыни, теперь понимаю, как плохо, как страшно здесь пятнадцатилетнему мальчишке! Жив ли он? Где теперь? Что с ним стало? Я обязательно должна найти Идена, помочь, спасти, если он в беде! Я так виновата перед ним! Так виновата, что нет прощения!..

Слёзы сами наворачиваются на глаза без приглашения, и вот они уже бегут по щекам и душат, мешая дышать и, наконец, вырываются на волю неконтролируемыми рыданиями в голос. Хоть бы меня никто не услышал. Я давлю свои вопли в подушку, обещая всё сделать, что смогу, чтобы Иден меня простил, если жив, конечно. От этих мыслей накрывает но-

вой волной. Не улавливаю момента, когда, наревевшись вволю, проваливаюсь в тяжёлый болезненный сон без сновидений...

Глава 8

Утро приходит неожиданно, но своевременно. Сразу встаю, не успев прогнать в мозгу ни одной дурной мысли. Сегодня я не плаксивая принцесса, я боец! И первое, что должна сделать – это расспросить обо всём Уго. Ведь они с Иденом примерно одних лет, а может даже ровесники.

А, может, Уго и есть Иден?! Почему бы и нет? Правда Иден темноволос, но цвет глаз примерно такой же. Эх, жаль, не припоминаю, чтобы у Идена была хоть какая-нибудь неотъемлемая черта – метка: родимое пятно или шрам. Как жаль, что лицо моего наречённого припорошено временем, словно подёрнуто туманной дымкой. Не складывается в портрет, только отдельные черты. Спрошу Уго прямо в лоб...

К завтраку спускаюсь в гостиную, где услужливая Чиу уже хлопочет вовсю. Сегодня завтрак почти традиционный для Ютландии или, как выражаются местные, Юты. Мне подают нечто, напоминающее овсянку, маленькие булочки, по вкусу похожие на кукурузные и вязкий сладковатый напиток, отдалённо напоминающий какао. В целом, всё вполне съедобно, и я даже одариваю похвалой Кроу, взволнованно ожидающую моего вердикта...

На приглашение разделить трапезу, Уго благодарит, но отказывается, сообщая, что уже давно на ногах и поел на кухне

с прислугой. Но он так нужен мне для разговора, что приглашаю его прогуляться по саду после завтрака. немного помявшись, приступаю к делу,

– Уго, ты так и не ответил вчера, это твоё настоящее имя от рождения?

– Попадая в Нуар, пленники оставляют прежнее имя в прошлом и приносят клятву никогда его больше не вспоминать, – отвечает уклончиво.

– Ты хочешь сказать, что забыл имя, данное тебе при рождении матерью и отцом? – сомневаюсь.

– Нет, реи, не забыл, – подтверждает парень, – но поклялся не вспоминать.

– Что страшного в воспоминаниях? – не сдаюсь.

– Воспоминания порождают тоску, а с тоской уходит сила, которой может не хватить в трудную минуту, – да он философ.

– Хорошо, спрошу по-другому, – я так просто не отступлю, – тебя звали Иден?

Мой сопровождающий вздрагивает, но отрицательно мотает головой,

– Нет, моё имя было другим.

– Ты ведь не обманываешь меня, Уго? – его реакция всё же вызывает подозрение.

– Как можно, Госпожа! – возмущается, – можете проверить меня на крови! – опять это Госпожа! В моменты смущения, он будто отгораживается таким образом.

– Это ещё, как?

– Здесь в Нуаре всё намного проще, любую ложь можно выявить просто: ведёшь подозреваемого к магу, он берёт у того каплю крови и смешивает с эликсиром правды. Если кровь остаётся красной, то испытуемый честен, если чёрной, значит, он лжец.

– Что ещё за эликсир?

– Его рецепт держится в тайне. И передаётся из поколения в поколение только среди посвященных магов.

– Вот ещё! – какие доверчивые эти нуарцы, – маги намешают, какую-нибудь баланду и могут управлять здесь всем, праведника объявят лжецом, а лжеца оправдают, если захотят.

– Никак не возможно, Госпожа! – горячо возражает Уго, – в таком случае маг навлечёт проклятие на себя и на весть свой род! Они этого очень боятся.

– Хорошо, я поняла. Давай завязывай звать меня Госпожой и подскажи хотя бы, как мне отыскать Идена. Как ты понимаешь, его теперешнего имени я не знаю. Да и жив ли, тоже не уверена. Но я должна хоть что-то о нём узнать. Всё, что могу добавить: он примерно твоих лет. Кстати, сколько тебе лет, Уго?

– Могу предположить, что около двадцати четырёх – двадцати шести, точнее не скажу. Здесь время исчисляется немного по-другому, да и дни Рождения не принято праздновать. Что ещё, реи, можешь сказать о своём знакомом?

– Иден темноволос, глаза серые, рост, наверное, высокий, по крайней мере, к этому были все предпосылки.

– Не густо, реи. Я бы на твоём месте попросил Сира Балтазара оказать помощь в поисках. В его руках власть и все возможности.

– Зато у меня нет возможностей... Где Сир и где я?

– Поверь, реи, скоро у тебя будет достаточно возможностей поговорить с Сиром.

– Вот это и пугает, – выдаю свои сомнения, – ничто так не опасно, как попасть на глаза Власть предержащим. Лучше прожить в тени и забвении.

– Тебе ли, принцесса, вести такие речи? – усмехается Уго.

– Догадался, хитрец! Ну, да сама же проговорила вчера.

– Если бы даже ни слова не сказала, я и так знал, что принцесса.

– Но откуда?

– Ты забыла, что я родом из Мигона? Неужели думаешь, там никто не знает дочерей короля Хогана?

– Так ведь я уже больше десяти лет, как оставила отчий дом.

– А я больше девяти, как оставил Мигон, – улыбается Уго, а я, всё-таки замечаю в его красивых глазах тоску, самый краешек, но она точно там промелькнула...

Мы могли бы предаваться воспоминаниям о нашей утраченной родине сколь угодно долго, это сближает всё теснее. Тем более, мой охранник вызывает в душе самые светлые и

приятные чувства. Да только в самый ностальгический момент к нам подлетает запыхавшаяся Чиу, смешно поправляя непослушную кучерявую чёлку, и рапортует,

– Моя Госпожа, к Вам гостья!

– Что ещё за гостья? – недоумеваю, – мы никого не ждём?
– уточняю у охранника.

– Скорее всего, это компаньонка, Сир держит слово и ничего не забывает...

Мы возвращаемся во дворец через садовый вход. В гостиной спиной к нам, рассматривая гомонящих птиц, стоит молодая стройная девушка в белом платье в пол, расшитом повороту мелкими голубоватыми камешками, её тонкую талию перехватывает украшенный так же, тонкий пояс, на ногах сандалии в тон поясу. Гостью сопровождает прислуга, похожая на Чиу, согнувшаяся под гнѐтом увесистого короба на широком ремне – чемодан или сундук, значит, гостья надолго. Девица, услышав наши шаги, резко разворачивается на пятках и сияет улыбкой,

– Здравствуйте! – протягивает обе ладони в странном приветствии, – а я к Вам в подруги.

Она красавица. Тѐмная шатенка, чуть ниже меня ростом, с карими миндалевидными глазами и пухлыми яркими губами. С довольно смуглой бархатистой кожей, столь гладкой и ухоженной, словно поспевший на жарком солнышке персик.

– Здравствуйте, – приветствую в ответ, не зная, что делать с её руками.

– Добрый день, Милли! – выручает Уго, – Тина не умеет здороваться, научи.

– О, вы знакомы? – впрочем, чему удивляться, – ну так, познакомь нас, Уго, как это полагается по-нуарски.

– Всё просто, реи, – приступает к делу охранник, – сомкните ладони, девочки, и представьтесь.

Милли подходит и с готовностью протягивает свои ладони к моим, я в ответ подаю свои. И мы, с любопытством глядя в глаза друг другу, смыкаем их,

– Добро пожаловать, я – Тина!

– Спасибо, я – Милли!

Не знаю, что в моих глазах видит гостя, но я в её – тепло и свет, через мгновение наши пальцы сплетаются вместе и это становится знаком начала великой дружбы для нас обеих. Я предлагаю Милли на выбор две спальни, она предпочитает голубую. Я так и подумала, ещё по отделке платья, что ей нравится голубой.

И больше мы не расстаёмся...

Глава 9

Каждый день с Милли приносит открытия. Она оказалась девушкой местного аристократического, но небогатого рода, с хорошим для женщины образованием по здешним меркам. Так как Милли – урождённая нуарка, у неё на лбу нет никакого клейма.

Для начала подруга решила просветить меня на предмет нынешней моды.

– Давай-ка пересмотрим твой гардероб, реи, – шутливо обращается ко мне.

– Да, какой там гардероб, реи! – смеюсь, – когда попала сюда, то в спальне уже была ниша с белыми рубашками до пят, и розовыми ещё. И так выбор невелик, но Уго сказал, что до розовых я и то не доросла.

– Всё верно сказал. Цвет одежды в нашем мире имеет большое значение и говорит о своём хозяине очень многое... А разве у вас не так?

– Конечно, говорит! По качеству ткани, отделке, крою и украшениям можно понять, беден его хозяин или богат, но цвет не принципиален. Можно носить платья любых расцветок, подбирать те, что идут к глазам, волосам, к тону кожи, наконец. Даже разноцветные, например, в цветочек.

– Кошмар! – всплескивает руками подруга, – это же такая путаница! Например, ты мечтаешь о женихе, а наденешь зе-

лёное в общество и, что?

– И, что? – передразниваю, не видя в этом никакого греха. У меня рыжеволосая родня по женской линии предпочитает в одежде все оттенки зелёного.

– Да к тебе ни один парень не подойдёт и на шаг! – хохочет Милли.

– Это ещё почему?

– Они подумают, что несовершеннолетняя, а это для от-
ношений табу.

– И во сколько у вас наступает совершеннолетие?

– Для женщин в шестнадцать, для мужчин в восемна-
дцать.

– В таком случае, на меня никто не подумает, что я не
совершеннолетняя, к тому же я всегда выглядела несколько
старше своих лет.

– Тогда подумают, что ты – сумасшедшая зрелая девушка,
считающая себя подростком.

– Что за глупость держаться в рамках таких жёстких сте-
реотипов, Милли? Неужели тебе никогда не хочется надеть
что-нибудь цвета изумруда или зелени молодой листвы?

– Вот ещё! – фыркает подруга, – хоть молодой листвы,
хоть старой, хоть изумруда, хоть аквамарина я вдоволь на-
носила на всю жизнь. Знаешь, как я мечтала надеть белые
одежды?

– А белое-то не надоело ещё? – пытаюсь съязвить.

– Не-а! – мотает головой, – можешь считать меня ненор-

мальной прогрессисткой, обычно наши девушки так торопятся принарядиться в розовый, а потом в красный, но я не из их числа.

– Да, у меня тоже есть розовый в нише, – вспоминаю, – вообще-то, он кажется мне цветом наивности, но хоть какое-то разнообразие. Когда его можно будет уже надевать?

– Когда станешь выбранной невестой, реи! – проясняет Милли.

– А-а, понятно, в невестах я уже была совсем недавно, так что пока погуляю в белом. Хотя, белый в нашем мире, как раз и есть цвет невесты. Его период очень короток – только в день бракосочетания.

– Прямо, как у нас в Нуаре! – кивает девушка, – только у нас невесты надевают красное, любой его оттенок на выбор: от алого до пурпурного.

– А потом?

– У замужних выбор побольше: оранжевый от яркого померанца до почти коричневого, жёлтый от лимонного до охры. Выбирай, не хочу!

– А, какой цвет носят старые девы?

– Что значит "старая дева"? – не понимает Милли, – по моему, эти два понятия взаимоисключающие: дева и вдруг, старуха!

– Ты уловила суть, подруга, – восхищаюсь очевидному открытию! Для меня это словосочетание уже несёт определённый смысл. И я никогда не пробовала разобрать его на со-

ставляющие, – это женщина, которая слишком долго тянула с выбором мужчины. А, может, ей просто белый был к лицу. И она не захотела его поменять на коричневый или охру.

– Понимаю твою шутку, – ухмыляется Милли, – у нас всё так же, как и у вас: несочетаемое: иссохшая бабка с пожелтевшей от старости кожей и зубами продолжает носить белое, это некрасиво.

– Это совсем некрасиво, – подтверждаю, представив картину.

– Но ничего не поделаешь, закон есть закон, – сожалеет подруга, но тут же находится, – это очень весомый стимул, чтобы вступить в брак. Как только увижу в зеркало, что с белым пора завязывать, так сразу найду мужа!

– Хитрюга!

– Но мы ещё не все цвета обсудили. Есть чёрный – это вдовый цвет.

– В нашем мире чёрный тоже цвет траура, хорошо, что его не всем приходится надевать, да и не надолго.

– У нас женщинам часто приходится носить чёрное, – вздыхает Милли.

– Вот как. И почему?

– У наших мужчин очень жёсткая конкуренция, и практически все разногласия решаются по закону сильнейшего, поэтому они часто гибнут, – пожимает плечами, – многие жёны стараются не слишком привязываться к своим мужьям, чтобы потом не терять голову от горя.

– Какой ужас! – вот это перспектива, – и, что потом делать вдове?

– Погоревать в меру, поносить чёрное, пока не наскучит и снова замуж.

– Наверное, у вас практикуется многожёнство при таком падеже мужского пола?

– Зачем же? – изумляется Милли, – мужчин хватает на всех, – их мальчиками пригоняют из вашего мира, ставят клеймо и выращивают для разных нужд.

У меня холодеет внутри от этой новости, а Милли, как ни в чём не бывало, продолжает рассказ,

– Хорошеньких присматривают, поэтому красивых мужчин всегда в достатке.

Где же ты, Иден? Для каких нужд тебя утащили сюда? – вот что меня волнует, а вынуждена слушать девичий щебет о правилах одежды,

– Когда вдова готова снять траур, она надевает синее, а потом лиловое, когда обручена. Подвенечный наряд строго голубой. Второй раз в красном замуж не выходят.

– А в третий, какое? – спрашиваю, постаравшись добавить в голос сарказма, но подруга относится к моему вопросу вполне серьёзно,

– Там уже не важно, хоть в третий, хоть в сотый, всегда голубое. И в браке опять от жёлтого до терракота всё можно носить. У мужчин такой же расклад, но только верха, штаны любые. Представь мужика в розовых штанах! – Милли пря-

мо заходится в хохоте. Мне тоже эта картина кажется смешной и удаётся немного расслабиться. Но не покидает мысль: неужели Иден стал чьим-то мужем?..

Я частенько задумываюсь о нём. Теперь, когда моя память открыла свои секреты, постоянно вспоминаю события того года, что мы провели вместе с Иденом.

Он сразу встретил меня приветливо. Вскоре я знала все его тайны. Мы вместе придумывали разные проказы, а если нас ловили, то мой дружок, не прячась за чужую спину, всегда брал вину на себя. Благородная личность изначально досталась мне в мужья. Это было так мудро со стороны наших отцов, познакомить нас ещё в детстве, чтобы мы стали по-настоящему близкими людьми задолго до брака.

Однажды мы нашли яйцо какой-то пичуги под деревом, маленький голубоватый эллипс, оно было ещё тёплым. Иден уверял, что птенец внутри не погиб. Высоко подняв головы, мы разглядели гнездо в высокой кроне.

– Если я подниму и поддержу тебя, Тина, ты сумеешь достать?

– Попробую! – с готовностью заявила я.

Иден бережно подал мне сокровище, и я опустила его в карман платья. Он присел, и я вскарабкалась ему на плечи. Мой дружок аккуратно встал, удерживая меня за щиколотки, я выпрямилась, но всё ещё не доставала до гнезда. Я тянулась и тянулась изо всех сил, но всё равно нашего с Иденом общего роста не хватало. От стараний закружи-

лась голова, слишком долго я держала её запрокинутой, меня качнуло, и я кулём полетела вниз. Чтобы смягчить неизбежное падение мой товарищ балансировал, сколько мог, а потом перехватил меня за пояс, и мы упали вместе. Яйцо конечно же разбилось прямо в кармане. Как я рыдала! Иден испугался не на шутку, и всё спрашивал, где у меня болит,

– Тут, – ответила я, доставая раздавленную скорлупку.

– Слава богам! – выдохнул он и рассмеялся, – ты для меня дороже птички, – и на радостях чмокнул в щёку. Я сразу же забыла о своём горе, главное, мой герой не расстроился...

Потом мы спасали котят. Страшиноватая приبلудная кошка окотилась в дворцовом саду. Мы стащили большой короб из прачечной и одеяло. И устроили домик под яблоней для семейства, а потом таскали молоко и колбасу из дворцовой кухни. Повара нас наверняка засекали не однажды, но упорно делали вид, что не замечают. А мы радовались своей ловкости и смекалке. Когда котята немного подросли, я брала их на руки и гладила. Однажды Иден подошёл ко мне и сказал совершенно по-взрослому,

– Когда-нибудь ты будешь ласкать наших детей.

И я, не сомневаясь ни секунды, ответила,

– Да...

Как-то раз Иден повёл меня в тронную залу, она была пустой в этот час. Он раскрыл ларец, достал оттуда две короны: короля и королевы. Мы надели их на головы и уселись на тронные места, изображая венценосную чету.

Троны были не очень удобны, наверное, потому, что мы до них не доросли, но Иден сидел чинно, сохраняя прямую осанку и строгость в лице. Вдруг он повернулся ко мне, и глядя прямо в глаза, спросил,

– Ты будешь верна мне, моя королева?

И я ответила, как на духу,

– Всю жизнь, мой король!

– Я тоже буду верен тебе всю жизнь! – подтвердил он торжественно. В этот момент мы оба понимали, что это не игра. Короны и тронная зала были для нас священны, и наши слова, сказанные друг другу в тот момент, были настоящими клятвами...

А потом с моим героем стало твориться чёрте-что. Он то был прежним добрым Иденом, моим Иденом, то вдруг становился злым и обиженным непонятно на что хулиганом, словно в него вселялся бес. Он начинал меня непривычно пугать и смущать. И вот, дело дошло до чердака, а там случилось страшное, непоправимое, и я его потеряла и забыла. Позабыла все клятвы, данные моему герою. Я не могла выйти за Кристиана, не должна была. Если бы я помнила, что Кристиан обещан Оливии, то никогда не встала бы на её пути, но я всё забыла, и судьба мне решила напомнить и, чувствую, наказать!... А Идена наказала я! Где он теперь? Что с ним?

Я настолько одержима идеей найти своего наречённого, что уже сама хочу встречи с Сиром. Только встречусь, сра-

зу спрошу, и не важно, что за это потребует местный властелин...

Глава 10

Наконец, сей знаменательный день настает. С моего заселения в маленьком дворце прошло уже достаточно времени. Наша жизнь устоялась. Мы оказались отличной командой: Уго, Милли и я. Нам так хорошо и легко вместе, что я почти перестала тяготиться потерей родного дома и близких. У меня появились новые близкие, более того, мы стали друзьями.

Уже не смущает простота одежды нуарцев и их буквальная примитивность в обиходе. Я учусь украшать свои белоснежные рубахи разными цветными безделушками.

Моя подруга – невозможная модница, всерьёз занимается просвещением меня по поводу модных тенденций в Нуаре. Сюда бы мою мамочку с её умением подбирать украшения, правда, платья бы она не оценила. А я оценила: они легки и свободны, не сковывают движения и дают дышать полной грудью. Холодов в Нуарленде не бывает, поэтому волноваться о тёплых вещах не стоит.

К моменту назначенной встречи с Сиром, Милли уже несколько раз выводила меня в свет. Ну, как в свет, мы выбирались на прогулки в город. Уго каждый раз заказывал нечто похожее на карету, запряжённую необычными конями. По виду лошади, как лошади, только на лбах у них торчат странные пеньки,

– Это спиленные рога, – поясняет телохранитель на моё

недоумение, – чтобы не бодались и не поранили друг друга в упряжке.

– И большие рога?

– Приличные и очень острые, – подтверждает Уго.

– А, можно, когда-нибудь увидеть лошадь с рогами?

– Вообще-то, это не лошади, а козавры, – поясняет парень, – конечно, существуют даже специальные состязания на козаврах, называются дисбол.

– И мне позволено будет присутствовать? – не отстаю.

– Думаю, да...

И вот сегодня мы едем на дисбол.

Милли с утра на взводе: прихорашивается, меняет наряды, правда, не понимаю, чего там выбирать, бери любой белый пододеяльник, не ошибёшься. Но моя подруга умудряется и из такого минимализма создать произведение. Надо отдать должное, у неё очень искусная служанка Мия. Она отлично расшивает наряды своей госпожи красивыми камнями и цветными нитями, плетёт пояса и браслеты, создаёт украшения для волос.

Поэтому у Милли всегда про запас есть несколько беспроигрышных ансамблей, вот в них-то она и копается. Был бы один или два, выбрать было бы проще, но моя подруга просто помешана на моде, поэтому у неё огромный гардероб, и сомнения по поводу образа ей всегда присущи.

К выбору она припахала несчастного Уго. Каждые пять

минут она сбегает по лестнице вниз из своей спальни и терпит моего телохранителя, чтобы выражал своё мнение. Измученный парень напоминает мне, какого-нибудь послушного мужа, который вынужден выносить докучливую супругу, стенающую возле шкафа, набитого нарядами с риторическим вопросом,

– Места уже нет, и надеть нечего! – Уго, на редкость терпелив, любителю и хвалит. А может, ему это нравится?!

А они, кстати, неплохо смотрятся вместе. На мой взгляд, получилась бы замечательная пара. Я уже намекала Милли по этому поводу, и она без тени жеманства подтвердила, что Уго вполне мог бы ей подойти, так как она урождённая нуарка, то есть, детям даст правильное воспитание и нужные качества по женской линии, а вот мне с Уго ничего не светит, в нас обоих нет ни капли нуарской крови.

– То есть, получается, такие браки вообще невозможны?

– Возможны, но только если в первенце течёт нуарская кровь, – поясняет подруга, – иначе мы бы тут уже все переродились.

– Первенец наследует всё?

– Да, он наследник.

– А, как же у вас Сир оказался неместным? – ловлю её на не состыковке.

– Существует право сильного. Не знаю, как на твоей родине, но в Нуаре есть такой старинный закон, что любой вольный гражданин, не раб, имеет право бросить вызов власте-

лину и вызвать его на поединок. Сир обязан принять вызов. Если побеждает, остаётся владыкой Нуара, если побеждает соперник, то Сир отдаёт полномочия ему. Ну, вернее, отдавал бы, если бы мог. Победитель сам их берёт.

– Этак у вас тут любой может пролезть. Сиры, наверное, меняются ежегодно?

– Не скажи. У действующего Сира есть очень серьёзный артефакт – кольцо Силы. Это атрибут его полной власти. Пока кольцо на пальце, победить властителя почти невозможно, надо быть сумасшедшим, чтобы вызвать Сира на бой.

– Магия?

– Магия в поединке запрещена, только кольцо Силы.

– Это единственный способ получить власть?

– Нет. Возможна передача по наследству. Если действующий Сир стар или неизлечимо болен, а наследника нет, то он сам может предложить нескольких преемников на выбор, а там опять право силы. В таком случае все равны, ни у кого нет особенного кольца.

– А нынешний Сир, как пришёл к власти?

– Самым трудным путём, – восхищается Милли, – он вызвал своего предшественника на поединок, когда тот был в полном расцвете сил.

– Значит, рисковал?

– Очень! – восторг в глазах. Похоже они на своём Сире тут все помешаны.

– Получается, он его убил?!

– Получается, – кивает... Ну и дела!

– А, что касается прислуги? Чиу, Ири и Кроу тоже могут стать свободными?

– Это пиги, их пригоняют с юга. И мужчин, и женщин. Там у них совершенно первобытные условия и ужасный климат, практически, пустыня, так что они и не помышляют ни о какой свободе, лишь бы кормили вдоволь. Они довольствуются малым и счастливы.

– На улице я видела рыжеволосых мужчин, – припоминаю, – они очень схожи с моей матерью, а она из Гурии.

– Оттуда и берутся, – подтверждает Милли.

Глава 11

Благодаря моей наперснице, я сегодня выгляжу прекрасно. Она подобрала для меня замечательный наряд из моего же гардероба. Я бы и внимания не обратила на очередную распашонку в своей вещевой нише, но Милли выцепила её, как-то сразу. Заставила примерить и бегло осмотрев, накидала сразу кучу красоты из той шкатулки, что нашлась здесь же. Плюс умопомрачительная причёска, вышедшая из-под ловких рук Чиу, небольшая хитрость с макияжем, который тут практически не используется, и я уже похожа на богиню, только что сошедшую с небес.

Уго залюбовался, когда мы спускались по лестнице,
– Тяжело вас таких охранять, девочки, – только и вздохнул...

И вот мы с Милли под строгим оком нашего охранника восседаем на трибуне в третьем ряду по центру. Всё зрелище будет происходить на прямоугольном поле, покрытом короткой травой, словно плотным ковром, со всех сторон окружённом несколькими рядами широких скамеек, возвышающихся амфитеатром. В первом ряду рассаживаются исключительно мужчины, их вообще, больше среди зрителей, но начиная с третьего ряда, компанию начинают разбавлять женщины. Всего десять рядов.

– Наверху самые дешёвые места, – поясняет Милли, – на-

ши самые лучшие.

– Разве самые лучшие не в первом? – уточняю.

– Этот ряд для сумасшедших, – круглит глаза моя подруга, – погляди, он отгорожен от поля совсем низеньким бортиком!

– Ну и, что из того? – не понимаю, – зато там всё прекрасно видно.

– Увидишь и отсюда, – смеётся она, – поверь на слово, тебе хватит.

– Ничего подобного, реи, дома видеть тебе не приходилось, – таинственно шепчет Уго, – нагибаясь к нам со скамьи в четвёртом ряду, он занял место прямо за нами, чтобы не потерять из поля зрения.

– А, когда я смогу увидеть Сира? – спрашиваю. Я не забываю ни на минуту, зачем он мне нужен.

– Скоро, – коротко бросает охранник с таинственно усмешкой.

Я немного успокаиваюсь и с интересом рассматриваю трибуны. Среди мужчин достаточно много молодых не женатых, их легко узнать по белым рубашкам, добрая половина с мечеными лбами. Мужчин в коричнево-жёлтых одеяниях, кстати, не меньше, некоторые, как я понимаю, с жёнами, у них по цвету парные одежды. Есть женщины в чёрном, многие совсем ещё молодые. В белом, как мы с Милли, девушек совсем мало, они, чаще всего в сопровождении семей. И да, мужчин в чёрном совсем нет, за исключением Йорга, того

самого мага, который открыл портал для Сира Балтазара в день моей несостоявшейся свадьбы.

– Я смотрю, вдовцы в Нуаре большая редкость, – шепчу подруге, указывая глазами на него.

– Это уж, точно, – подтверждает, – Йорг вдовеет уже лет двадцать – двадцать пять и, насколько знаю, никто из женщин не рвётся к нему в жёны, хотя он ещё ого-го.

– А, что так?

– Его жена умерла непонятно от чего, злые языки поговаривают, что всему виной магия.

– Он сильный колдун? – просто любопытно, в Ютландии при дворе тоже подвизаются разные астрологи и ясновидцы, но чтобы откровенное колдовство творилось, не слышала ни разу.

– Никто не знает его настоящей силы, – шепчет зловещим голосом Милли, отчего мурашки толпами разбегаются у меня по спине, – но нынешний Сир не поощряет всех этих штук в принципе и обращается к магу за помощью лишь в исключительных случаях.

Я хочу добавить, что видимо, мне посчастливилось быть таким исключением, но тут трибуны взрываются рёвом, зрители от мала до велика вскакивают со скамеек, приветствуя игроков. Я таращусь на поле. Из единственного прохода, соединённого с крытым навесом, в торце поля, стройной вереницей выезжают всадники верхом на козаврах. О да, эти звери с рогами имеют очень впечатляющий вид. Глаза их горят

красным кровожадным огнём, из ноздрей вырывается устрашающий храп, а из лбов, словно сабли, торчат по два длинных острых рога,

– Мне кажется, или они заточены нарочно? – оборачиваюсь к Уго.

– Заточены, – подтверждает он, – козавры для дисбола отбираются по силе и свирепости, их и так-то дрессировать непросто, но здесь точно звери.

– Кошмар! – я не удерживаю эмоции.

– Привыкай, реи, в Нуаре нет безобидных зрелищ.

Ничего не остаётся, как только развернуться к полю.

В это время на нём друг против друга выстраиваются по центру по пять игроков. Все мужчины в белых плотных рубашках и черных облегающих штанах, заправленных в высокие сапоги. Головы участников покрывают платки, повязанные как у крестьян во время сенокоса в селеньях Ютландии: плотно до самых бровей, словно шапочки, а сзади все концы в узел. У пятерых платки синие, а у другой пятёрки красные. Меток под ними не видать.

– В, чём смысл игры? – спрашиваю Милли, пока команды обмениваются ритуальными приветствиями.

– Они будут делить добычу, – шепчет она, не отрывая заинтересованного взгляда от мужчин. Что и говорить, все как на подбор: молодые, сильные, мускулистые, да ещё и не женатые.

– Что это значит? – тормошу дальше, но ей не до меня.

– Сейчас принесут подсвина, и сама увидишь, – отвечает за неё Уго.

– Кого? – не понимаю.

– Их добыча – подсвин, каждая команда будет стараться его поймать или отобрать у соперников. У кого он окажется на момент конца периода, тот и победитель, – торопливо просвещает телохранитель, – периодов три, – а потом добавляет с сожалением, – ух, мне бы туда сейчас!

– Ты ненормальный? – уточняю на всякий случай, – хочешь к козавру на рога?

– Не представляешь, реи, как это круто!

– Оказаться у него на рогах?

– Не обращай внимания, Тина, они все такие психи, – вздыхает Милли, – вот и мрут, как мухи. Даже Сир не пропускает возможности разогреть себе кровь, а Уго всегда с ним.

– Если бы не моя миссия, я бы показал этим синим, где раки зимуют, – хорохорится телохранитель.

– А там с ними Сир? – удивляюсь я, – вы же говорили, я с ним увижусь!

– Вот и смотри, – подтверждает подруга, – в команде красных, по центру самый красавец, у него из-под платка виднеется белая косичка.

Я отсчитала третьего и точно, это тот самый человек, что забрал меня из-под венца. Черты лица с такого расстояния разглядеть сложно, но я его узнала. Он с горделивой осан-

кой красуется на своём козавре, а тот прядёт ушами и нетерпеливо переступает под царственным седоком, словно только и ждёт сигнала, пуститься вскачь. Всадникам не терпится сразиться, животным тоже, они сдирают копытами травяной покров, бороздят его острыми рогами и ревут, ничуть не по лошадиному.

Наконец, церемониал завершён, команды расступаются, открывая проход посередине, здоровый детина, едва удерживая в руках вертлявого кабана, бежит до центра и спускает его на траву, а сам, что есть мочи, мчится назад.

Едва он успевает убраться с поля, раздаётся резкий свисток и тут начинается!..

Глава 12

Юркий подсвин, килограмм на тридцать, носится по зелёному газону с оглушительным визгом, норовя пробиться в ряды зрителей, но всё время утыкается в преграду бордюра. Разгорячённые игроки, подгоняя из без того стремительных козавров, буквально летают по полю, то и дело сбиваясь в кучу, там, где мечется добыча.

Публика на трибунах беснуется, вскакивая со своих скамеек, чтобы тут же рвануть поближе к месту давки. Те зрители, что оказываются в опасной близости от кучи-малы, наоборот, торопятся запрыгнуть наверх. В таком угаре пролетает первый период. Он длится не более десяти минут, за которые успеваю охрипнуть. Сначала ору от ужаса, потом, поддавшись всеобщему ажиотажу, начинаю следить за подстином и игроками, вернее, за одним из них. И не осознаю, в какой момент становлюсь его яркой болельщицей.

Когда финальный свисток возвещает об окончании первого периода, я вместе с Милли и другими болельщиками вскакиваю со скамьи и рукоплещу всаднику с белой косичкой, держащему над своей головой на вытянутых руках пойманную добычу.

– Так и должно быть! – слышу сквозь всеобщий гвалт радостный возглас Милли.

– Почему?

– Он самый лучший, самый достойный! – выкрикивает подруга. Я заинтересованно оборачиваюсь к ней. Так и есть! Влюблена в Сира Балтазара! Вот и весь ответ, почему наша красотка не торопится сменить белый наряд на красный – её интересует только один мужчина. Ничего себе открытие! А он-то знает?

В это время измочаленные, но довольные участники удаляются с поля на перерыв,

– Козаврам нужно напиться, – поясняет Уго, – да и раны залечить.

Я замечаю, что у некоторых животных, сквозь толстую шкуру проступают серьёзные порезы и царапины, а у мужчин белые рубашки обагрились кровью или порваны.

– Надеюсь, маг их подлечит? – уточняю у Уго.

– Зачем маг? – удивляется он, – их ждёт Орунда со своими мазями и настоями, сейчас всех исцелит и козавров, и их хозяев.

– Одним и тем же?

– Ага, – подтверждает он.

Ну и дела тут у них творятся: примитивная бойня с опасностью для жизни считается культурным мероприятием, прямо-таки, красочным событием выходного дня. Какая-то Орунда лечит раненых сомнительными зельями и, как видно, на людях всё заживает, как на собаках, вернее, на козаврах. Дичь! Одним словом, дичь! Я к такому ужасу не привыкла: в нашем Мигоне и на второй моей родине в Ют-

ландии народ и знать всё больше развлекаются танцами, да песнопениями, или театром...

Пока предаюсь размышлениям, звучит сигнал к началу второго периода. На поле появляются эти же команды. Рубахи на мужчинах снова сияют белизной, козавры приободрились, все готовы к новой схватке. Шустрый мужик несётся на поле с новым подсвином, буквально бросает его на траву и во всю прыть обратно. Свисток, и безумная кутерьма повторяется.

Публика с новой силой болеет за своих кумиров, они с честью отрабатывают популярность. Одуревший от ужаса подсвин то и дело оказывается в руках то одной, то другой команды. Не понимаю, как он ещё не умер от разрыва сердца! Бывшее в начале состязаний зелёным поле, теперь похоже на загон, по которому сутками гоняли табун лошадей, оно буквально вспахано острыми копытами козавров.

То и дело сквозь неистовый вой толпы, слышен рёв раненых животных и азартные крики игроков, одержимых жаждой добычи. Как и в первой схватке, лидирует и побеждает команда красных во главе с неподражаемым Сиром. Второй подсвин трепыхается в его руках, и обе команды снова удаляются на перерыв зализывать раны.

– А, зачем нужен третий период, если и так уже ясно, что красные сильнее? – не понимаю я, – если бы сейчас была ничья, тогда ещё понятно.

– Странная ты, реи, – поражается телохранитель, – никто

не откажется от третьего периода, не игроки, ни тем более, зрители.

– Вы видели? – встречается в разговор взволнованная Милли, – у Сира в крови вся рубаха!

– Сейчас свежую наденет, – Уго невозмутим.

– Он же ранен, болван! – возмущается девушка.

– Ну и, что? – недоумевает Уго, – и не в таких переделках бывал, всё поправимо.

– Расскажешь? – ловлю на слове охранника.

– О чём?

– О переделках, естественно! – сама не понимаю, почему мне вдруг становится важно знать о Сире всё, что возможно.

– Посмотрим, – уклончиво отвечает Уго. А моя подруга, почему-то слишком задумчива, чтобы участвовать в нашем разговоре...

Вскоре начинается последний третий период. Всё повторяется вновь: две шеренги, мужик с очередным подсвином, сигнал и схватка. События разворачиваются примерно так же, как и в двух предыдущих состязаниях. Я не скучаю, конечно же, но предполагая исход мероприятия, немного теряю интерес... Рановато расслабилась!

Где-то на половине времени происходит непредвиденное событие: один из игроков синих направляет своего козавра так, что тот ударяет рогами под зад собрата, несущего противника, готового вот-вот схватить добычу. Раненое животное раздражается оглушительным рёвом и, орошая кровью

взрытую землю, несётся вскачь вдоль кромки поля прямо на зрителей боковой трибуны. Седок не может обуздать взбесившееся животное и вернуть над ним контроль. Мгновение, и случится непоправимое! Козавр, не разбирая дороги, перетопчет и насадит на рога добрую дюжину зевак, не спешащих ретироваться!

Не успеваю всё это додумать, как почти сразу же от всех игроков отделяется Сир на своём козавре и мчится на выручку, на ходу срывая с себя рубаху. Настигнув озверевшее животное почти у самой трибуны, он набрасывает рубаху ему на глаза. Оно, мгновенно ослепнув, останавливается, как вкопанное в одном шаге от трибуны. Зрители с первых двух рядов уже сидят чуть ли не на головах у третьего ряда. Остальные застыли словно заворожённые. Наконец, в тишине слышится коллективный вздох облегчения, а потом всеобщее ликование, среди которого то и дело ловлю,

– Великий Сир!

– Славный Сир!

– Да здравствует Сир!

Чувствую, как колотится сердце, буквально в ушах слышу его частые удары, я чуть не сошла с ума от страха, хотя мне ничего не угрожало. Ловлю себя на честной мысли: я испугалась за него! Рядом всхлипывает Милли с искусанными в кровь губами,

– Какой же он молодец! Он прекрасен!

Смотрю на Уго, тот бледен и молчалив. Снова обраща-

ваюсь: великолепный Сир, с обнажённым торсом гарцует по полю, держа за поводья хромающего козавра, а его наездник пешим ходом топает под навес. Замечаю несколько довольно грубых шрамов на атлетичном теле и ещё одно клеймо на левом плече. Надо будет спросить у Уго, что это за метка...

Через некоторое время, вопреки моим надеждам, игра возобновляется, раненое животное заменено, подсвин тот же...

Победили на этот раз синие, подозреваю, что с подачи Си-ра. Так сказать, "победа престижа", а победителей не судят, поэтому негодяя, спровоцировавшего драму, никак не наказали.

– Мужские игры, что ты хочешь? – в ответ на моё возмущение резюмирует Милли, – у них это в порядке вещей.

– Ну, все же живы, – подтверждает Уго её слова, – значит, нечего мелочиться, сейчас будет праздник!

– Какой праздник? – не понимаю.

– Добычу зажарят на вертеле, и игроки команд будут угощать своих гостей, – просвещает телохранитель, – мы приглашены!

– Кем? – уточняет Милли.

– Сиром Балтазаром...

– Уррра! – пищит от восторга подруга, – Сир нас пригласил лично!

А я думаю, вот! Это мой шанс поговорить с ним! Попросить разыскать Идена! Не мог же он исчезнуть бесследно!..

Глава 13

Не спускаясь на перерытое копытами поле, мы дожидаемся, когда уйдут почти все зрители и пробираемся между скамеек в сторону выхода.

– Я хочу пройти там! – Милли показывает рукой на широкий навес, куда удалились всадники после состязания.

– Ты не знаешь, реи, что там сейчас за аромат стоит, – отговаривает Уго, – не для аристократических ноздрей.

– И, чем там пахнет? – спрашиваю, а сама тоже бы не отказалась поглядеть на героев поближе.

– Не представляешь, Тина, какой ядрёный запах пота у этих животных, – поясняет телохранитель.

– Ты сейчас имеешь в виду игроков или козавров? – не удерживаюсь от шутки. Друзья хохочут в голос, и Уго всё-таки, ведёт нас через святая святых,

– Сейчас сама прочувствуешь, – предупреждает меня сквозь смех.

И, правда, по мере приближения к навесу в атмосфере появляется стойкий запах конского пота, густо замешанный с ароматами не чищенной овчарни, но делать нечего, сами напросились. Вдыхая через раз, спускаемся под навес. Там по бокам от широкого пролёта расположились загоны для уставших животных, сквозь решётчатые проёмы я вижу, как они лежат на сухой соломе и меланхолично жуют. И не ска-

жешь, что минут двадцать тому назад эти монстры готовы были посадить на рога любого неосторожно попавшегося им на пути человека.

Во главе с Уго мы минуем коридор с загонами, а за ним всё слышнее мужской смех и довольные возгласы. За последним загонем открывается картина, хоть пиши:

Огромная чаша бассейна, наполнена водой почти до краёв, по её бортам расположились недавние соперники, в чём мать родила. Каждый мужчина по очереди встаёт и под возгласы товарищей выходит в центр чаши, кромка воды примерно до бёдер. Двое других берут большую бадью, наполняют её водой прямо из бассейна и окатывают стоящего с головы до пят. Облитый довольно рычит, смеётся, и фырчит, словно конь, вода-то, наверное, холодная... Потом его место занимает следующий.

Телохранитель пытается провести нас поскорее мимо этого живописного зрелища, но Милли встаёт, как вкопанная и заворуженно следит за действием. Я никогда не видела абсолютно голых мужчин, да и не абсолютно, тоже.

У нас в Ютландии не принято демонстрировать наготу, тем более взрослым. Максимум моих познаний в этом вопросе – наши с Олли детские купания в дворцовом фонтане с Кристианом и Иденом, так и то, мы с ней не снимали тонких нательных рубашек, а мальчишки исподних штанов.

А здесь же, мощные мускулистые, как на подбор тела, ничем не прикрытые, в непосредственной близости от моих

глаз, впечатляющее зрелище. Особенно любопытно наблюдать, как тугие мышцы напрягаются в момент встречи тела с холодной водой, и потом сверкающими струйками она стекает по их рельефам.

Уго делает ещё одну попытку увести нас подальше, но Милли неумолима, и я догадываюсь, чего, вернее, кого она ждёт...

Наконец, её ожидания увенчиваются успехом: в центр чаши встаёт Сир. Его тело расслаблено, волосы распущены, красив, словно бог. Точёная фигура совершенна, вода скрывает длинные ровные ноги лишь до колен, идеальные твёрдые ягодички подтянуты. Поднимаюсь глазами выше: тонкая талия постепенно расширяется, переходя в накачанную спину, я вижу крепкие мышцы, расходящиеся упругими гладкими жгутами к лопаткам, шее и широким плечам. Кое-где их пересекают побелевшие шрамы, давние, замечаю и несколько свежих, сегодняшних. Интересно, каков он на ощупь? Мне кажется, горяч. В это время двое его напарников, встав на мыски, опрокидывают на атлета холодный водопад. Он весело рычит, трясёт головой, словно лев, вышедший из воды, гривой и... Тут Милли испускает восторженное, – Уй-и! – чем выдаёт нас с головой...

Вся компания купальщиков, сидящих в бассейне, оборачивается на этот звук, Сир не исключение, только он не сидит, а стоит по центру, как античная статуя. Не могу отвести глаз, его тело идеально, но дело даже не в этом. Меня прон-

зает неведомое доселе чувство, вернее, не чувство даже, а ощущение на уровне инстинктов, не поддающихся контролю, и всему виной необъяснимый магнетизм, исходящий от этого человека! Очень хорошо понимаю подругу, наверное, любая женщина, видя Сира, готова свалиться к его ногам...

Он резко разворачивается, глазами охватывает бегло наше трио, и мы встречаемся с ним взглядами. Он несколько не смущён своей наготой, по-моему, безразличен к ней, но смех в его серо-стальных глазах быстро сменяется цепким голодным огнём. Я не могу оторваться от этого взгляда, он манит меня, как магнит и завораживает, завораживает...

В это время, Уго хватает мою руку и уволакивает подальше от бассейна на свет, в другой руке у него бьётся упрямая Милли.

– Ты видела, реи, как он красив?! Успела заметить его мужское достоинство? – радостно расспрашивает подруга, когда мы отходим от Уго в сторонку. Он на нас немного обижен за непослушание, поэтому отчитав, как девчонок, временно не разговаривает.

– Не-а, – тяну смущённо, – я не могла оторваться от его глаз.

– Вот малахольная! – всплёскивает руками Милли, – глаза увидишь ещё сотню раз, а вот так, как нам сегодня довелось, может больше и не повезти!

– Странно, – думаю о своём, – сегодня я не обратила внимания на его клеймо на лбу, – я вообще, про него забыла. И

не мудро, мне точно было не до клейма, до сих пор, как представляю, его там, дыхание учащается.

– Потому, что Сир был спокоен. У Уго оно тоже временами едва заметно, а сейчас стало красным, когда журил нас, – хихикнула девушка.

– А, что за метка на его плече? – стараюсь отвлечься хоть на что-то.

– Клеймо воина, – поясняет, – когда мальчиков принимают в бойцовскую школу, им обязательно ставят знак на левое плечо, – а заметила у него ещё одно?

– Нет, только шрамы.

– Чуть ниже пупка по центру есть ещё одно в форме цветка, – делится подруга, – когда он развернулся, я всё успела увидеть.

– А, это, что значит?

– Знак любовника, таким клеймят тех, кто попадает в школу мужей.

– Так я не поняла, он вроде боец и не женат? Носит белое...

– Да, какая-то мутная история, – задумывается Милли, – спросим у Уго...

Нашептавшись, мы с лицами осознавших вину преступников, подползаем к Уго,

– Прости!

– Прости, виноваты, больше не будем!

– Ладно уж, хулиганки, идёте в сад, – он увлекает нас

к месту последующих событий. Пока неспешно идём, ведём лёгкую беседу,

– Уго, а козавров не моют? – спрашиваю парня.

– Что, ощутила аромат? – смеётся в ответ.

– Ощутила, конечно! Но несправедливо же, они носились по полю в мыле, а не наездники, но моются последние.

– Не волнуйся, реи, когда стемнеет, и с улиц разойдётся праздная толпа, их поведут в заводь на реку, там вычистят, вымоют и оставят пастись на лугу на всю ночь. Это неплохая для них награда.

– Красиво, наверное, купающиеся козавры, – мечтательно представляю картину: темное небо освещается яркими звёздами, тихая заводь подёрнулась дымкой белого тумана, а в ней могучие силуэты купающихся животных...

– Купающиеся мужчины, куда красивее, – смеётся Милли, – возвращая меня к нашему недавнему конфузу... Согласно, особенно один конкретный мужчина, красивее зрелища быть не может...

Неподалёку от дисбольного поля раскинулся красивый сад, по тенистой аллее Уго неспешно ведёт нас вглубь. Густая растительность, наконец, расступается, открывая взору большую поляну почти округлой формы. Здесь кипит жизнь, десятка два нуарцев: мужчин и женщин праздно прогуливаются по периметру лужайки, общаются, смеются и периодически подходят к центру. А в центре установлен длинный вертел, на котором крутятся, друг за дружкой сразу три под-

свинские туши.

Желудок скручивается жгутом и норовит выскочить наружу при воспоминании о кровавых стейках, предложенных мне Чиу в первый день. Ухожу подальше к краю поляны, осматриваю гостей: в основном семейные пары, по виду достаточно молодые, мы с реи Милли не одни в белых одеяниях.

Замечаю, как ко мне наперерез по поляне приближается молодой парень довольно приятной наружности, высокий и крепкий, как и большинство здешних мужчин. Когда ему остаётся всего несколько шагов, откуда-то возникает бдительный Уго и преграждает путь. Они о чём-то говорят, парень бурно настаивает, но мой телохранитель не умолим, и тот, отчаявшись, отходит в сторону.

– Что-то не так, Уго? – тревожусь, – кто этот человек?

– Хотел познакомиться с тобой поближе, реи, – отвечает охранник, – ты ему понравилась.

– Почему же ты отогнал его? Что плохого, если бы мы познакомились, он ведь не женат, в белой рубашке.

– Твой статус неясен, реи, – напоминает не готовый к моим расспросам Уго, – не думаю, что Сир рисковал собой, чтобы забрать тебя из Юты для него.

– Вот, как? Прошло уже довольно много времени, а Сир, похоже, так и не определился с моим статусом.

– Ты – гостя, реи! Этого достаточно.

– Нет! Мне необходимо поговорить с Сиром, ты знаешь,

о чём!

– Думаю, сегодня возможность представится.

Сразу становится неуютно и тревожно, оглядываюсь в поисках подруги, но Милли далеко, весело щебечет с четой в одеяниях охристого оттенка, похоже, встретила знакомых. Да она, наверное, всех здесь знает, это же её круг. Замечаю, как в нашу с Уго сторону движется мужчина в чёрном, узнаю Йорга. Телохранитель напрягается, но магу не препятствует. А тот целенаправленно движется ко мне.

– Как Вам у нас, прекрасная реи? – мягко спрашивает, подойдя и отпустив едва заметный кивок Уго. А у него довольно приятный бархатный голос, так и расслабляет, и обволакивает коконом покоя, – уже освоились?

– Да, спасибо, Сир! – отвечаю, не подумав.

– Ну, что Вы, милая, я не Сир, – смеётся Йорг, – обращайтесь ко мне по имени, запросто.

– Как можно! – восклицаю смущённо, а сама вспоминаю совет старой няньки: "не давай своего имени незнакомцам, это ключ к твоей воле. Пусть даже оно трижды им знакомо, сама не давай!" А тут ведь придётся обменяться своим именем с ним, опасно!

– Похоже, Вы боитесь, реи, кто Вам наговорил про меня страшных сказок? – смеётся маг.

– Пока никто, – пожимаю плечами, поглядывая на Милли.

– Давайте так, – предлагает, – пока не подружимся, я буду для Вас Мастером Йоргом.

– Согласна, Мастер Йорг, – киваю с облегчением.

В это время весёлая компания дисболистов, опять всех вместе, несмотря на недавнее жёсткое противостояние, шумно появляется на поляне. Они ведут себя непосредственно и свободно в присутствии Сира, ни сколько его не выделяя. А он ничем не отличим от них, совершенно открыт и прост, весело толкает в бок кого-то из приятелей, на что тут же прилетает ответка, но он ловко увёртывается и смеётся, как мальчишка.

Не могу отвести глаз, кажется, я попала под его чары с головой! Мама, я пропала! Слышу его смех, он кажется смутно мне знакомым, я точно на нём подвинулась. Этого человека я не знаю, не могу знать! И он опасен, теперь, когда не в силах противостоять его очарованию, ещё опаснее. Его белые волосы влажными прядями заведены за уши и разбросаны по спине, нереально белые, как снег на вершинах Коты – горной гряды на севере Ютландии. Никогда раньше не видела таких волос...

Маг теряет ко мне интерес, быстро раскланивается и направляется к пришедшим. Широким шагом он подходит к Сиру и увлекает его в сторону. Они о чём-то говорят, вернее, Йорг говорит, убеждает, активно жестикулируя. Улыбка на лице владыки тут же сменяется серьёзным выражением, он хмурит брови, отчего печать на лбу начинает проявляться ярче, и отрицательно мотает головой. Глазами он выискивает кого-то и, увидев меня, останавливает поиск.

Глава 14

Я понимаю, что говорят обо мне, невольно напрягаюсь и опускаю взгляд, чтобы не прочёл в нём, что реи влюблена.

А, что это тогда, как не любовь? Ну, может страсть, конечно, тупая животная, ничем не подкреплённая страсть, про которую я читалась в глупых романах ещё подростком, таская их впотайку из дворцовой библиотеки в Юте, но какая разница! Факт есть факт: к Сиру Балтазару я дышу неровно!..

Наконец, владыка отрывает от меня сосредоточенный взор, прямо кожей ощущаю, что отпускает. Ещё раз отказывается от чего-то, похлопав мага по предплечью и, направляется к вертелам, приглашая жестами и веселыми криками гостей принять участие в трапезе. Да все уже и так подтягиваются к пиршеству. А Йорг уходит недовольным, я бы даже сказала, злым...

Туши подсвинов достаточно зарумянились сверху, и ловкие повара острыми длинными ножами, начинают разделку, прямо не снимая их с вертелов. На широком столе быстро тает стопка плоских блюд, куда они выкладывают кровоточащие куски мяса. Местный деликатес нарасхват. Я смотрю издали и понимаю, что ни за что не смогу разделить трапезу.

Когда все оделены, взгляд повара упирается в меня, он по-

нимает всё по-своему: стеснительная реи не решается подойти за своей порцией. Тогда, чтобы исправить оплошность, он ловко настругивает мяса из глубины порядком покоцанной туши, так что мне перепадают, по его мнению, самые лакомые куски. И персонально подносит блюдо с сочащимися дымящейся кровью ломтями. Я, крепко сжав зубы, мотаю головой и отворачиваюсь. Секундная пауза, и вдруг,

– Прекрасная реи предпочитает хорошо прожаренные стейки, – слышу за спиной спокойный голос. Кто это? И откуда так хорошо осведомлён о моих гастрономических предпочтениях? Это правда, я никогда не любила полусырое мясо, но здесь в Нуаре, кроме Чиу и кухарки Кроу, никто об этом не знает...

Оборачиваюсь и вижу Сира с мягкой улыбкой на губах. Только губы, глаза не смеются, они буравят меня, практически не моргая. Повар в замешательстве забирает угощение и отправляется прожаривать его до полной готовности.

– Спасибо, Ваше Величество! – выдыхаю. А у самой колени подгибаются.

– Ка-ак?! Как ты назвала меня? – с усмешкой переспрашивает владыка.

– А, как надо? – совсем теряюсь под его любопытным взглядом.

– Просто Сир или Балт. И можно на "ты", – сразу упрощает общение. Но мне-то несколько от этого не проще!

Через несколько минут повар, исправив ошибку, делает

вторую попытку меня накормить. На этот раз всё, как дома: нормальное мясо, вполне съедобное. Но я и его уже не хочу! Когда рядом этот властелин, ничего не надо, он сам для меня, как наркотик.

– Почему в Нуаре так любят не прожаренное мясо? – спрашиваю, чтобы прервать затянувшуюся неловкую паузу и себя заодно отвлечь, хоть немного. Впрочем, Сира это не смущает, он разглядывает меня с жадным любопытством, а на его губах играет слабая улыбка, но глаза в этот раз, с ней в согласии,

– И ты привыкнешь, Тина, – называет он меня по имени так легко, словно мы старые знакомые, – кровь набегавшего перед смертью подсвина полна веществ, которые дают мощную энергию. Съедая мясо, насыщенное такой кровью, получаешь мощный заряд животной силы, поймав это чувство, уже не сможешь отказаться.

– Нет уж, – мотаю головой, осознавая с опозданием, что я здесь не принцесса, а всего лишь пленница в статусе гостьи, и если захочет всевластный Сир, то буду уплетать эту гадость, как миленькая, давиться и уплетать, – простите, Сир, – добавляю, понимая оплошность. Но это самое осознание несвободы и его полной власти надо мной, отрезвляет и помогает найти так нужную сейчас опору. Я не должна ему показать, что теряю голову, пусть думает, что спокойна и равнодушна.

– Как хочешь, принуждать никто не станет, – отвечает он

на мои невысказанные опасения, возвращая к разговору, и помолчав мгновение, добавляет, – просто, все считают тебя здешней уроженкой, поэтому и удивляются непривычной реакции.

– Так ли уж все? Мастер Йорг точно помнит, откуда я, – надо же! Оказывается, могу вести непринуждённую беседу в таком-то состоянии! Вытягивая нужную информацию, при этом!

Мягкое выражение в глазах Сира, тут же сменяется тревогой, впрочем, безмятежность так быстро возвращается назад, что может, мне просто померещилось, однако, слова подтверждают, что я не ошиблась,

– Будь осторожна с ним, Тина.

– Почему? Уго сказал, что он верен Вам... тебе, до кончиков волос.

– Да, верен, – соглашается Сир, – как и прежнему владыке.

– Сир, могу ли я обратиться с личной просьбой? – перехожу к делу, а нервы натянулись, как струна: ну, как сменит сейчас свою милость на гнев, да пошлёт, куда подальше, или накажет.

– Весь внимание, реи, – господин по-прежнему мягок и благодушен...

В это время наблюдаю краем глаза, что в нашу сторону направляется Милли, её глаза горят любовью, губы подозрительно красны, наверное, переела кровавого энергетика или, скорее, перепила. Но добраться до нас подруге не суждено.

Внимательный Уго тут, как тут. Ловко перехватывает её под локоток ещё на полпути и, невзирая на сопротивление, уводит в противоположном направлении. Мы с Сиром опять вдвоём, никто не смеет нарушить наше общение. Я волнуясь, во рту мгновенно пересыхает, но набрав в лёгкие побольше воздуха, выпаливаю на одном дыхании,

– Помогите мне найти человека, Сир! Он попал в Нуарленд примерно девять лет тому назад. Его имя при рождении Иден. И он, приблизительно Ваших лет, – я опять сбиваюсь на Вы. Гляжу на реакцию Сира во все глаза, и, кажется, в них появляется живое участие и заинтересованность, тут же сменяющиеся грустной улыбкой.

– Зачем он тебе, Тина? Может, не стоит ворошить прошлое? Девять лет – очень большой срок.

– Я очень виновата перед ним, Сир! – слёзы сами наворачиваются. Что со мной такое? Уж, реветь-то точно не собиралась.

– В, чём же? – ему интересно, а мне почему-то важно рассказать всю историю этому чужому, всесильному владыке. И я не утаивая ничего, не оправдывая себя ни капли, выдаю историю своей жизни и отношений с Иденом,

– Я поклялась ему, Сир! – заканчиваю рассказ, вытирая кулаком глаза.

– Странно, – недоумевает мой внимательный слушатель, – если не изменяет память, я увёл тебя буквально из-под венца, о каких клятвах ты говоришь?

– Я забыла, совсем забыла! Память предала меня! Но теперь вспомнила всё до капли, вот только лицо Идена никак не могу припомнить в точности. Лишь размытый образ: тёмные волосы, прямой нос и глаза, большие, серые... Вот, примерно, как у Вас, Сир!

– Интересно, – задумчиво произносит владыка, отводя взгляд. Медлит с ответом, потом выносит вердикт, – я подумаю, что можно сделать.

– Благодарю, Сир! – он дарит мне надежду, и я радуюсь этому так, словно он мне уже сообщил, где моя потеря и, что с ним.

– Могу ли я, в свою очередь обратиться с ответной просьбой, реи? – как он галантен, мог бы просто приказать, я и не ожидала, что мне это ничего не будет стоить, но он удивил,

– Конечно, Сир! Буду рада исполнить!

– Позволишь ли ты навещать тебя в Розовом дворце в качестве друга?

– В каком ещё Розовом дворце? – недоумеваю.

– В твоём доме, реи, – смеётся Сир.

– Ах, вот оно, что! – соображаю, – точно, он же розовый! Конечно, буду ждать! – я – сама приветливость и гостеприимство, а душа поёт и пляшет! Мы скоро встретимся снова! Он сам этого хочет! Ой, ой, ой, может, я тоже ему не безразлична? Ну, хотя бы нравлюсь немного?

– Он единственный такой во всём Нуаре, Тина. И, спасибо! – боги, какая знакомая улыбка... С ума сойти! Этот Сир

сводит меня с ума!

Владыка галантно прощается, нежно коснувшись рукой моих пальцев, похоже, целовать ручку даме, здесь не принято, и удаляется к гостям. Слишком многие хотят с ним пообщаться в неформальной обстановке, и он, как справедливый властелин, должен всем уделить внимание...

– Вот, – слышу обиженный голос Милли, – Сир подарил тебе время, рассчитанное на нас двоих!

– Прости, реи, у меня к нему был очень важный разговор, постараюсь больше не быть столь эгоистичной, – обещаю примирительно, а самой ни капли не стыдно, и вины за собой не чувствую. Я в восторге!

– Смотри, обещала! – тут же зацепляется подруга...

Насыщенный день, наконец, заканчивается, принеся больше вопросов, чем ответов. Не покидает ощущение, что Сир Балтазар, будто бы, знает меня. И почему я не спросила, откуда он родом? Ведь ясно же, что не нуарец! Побоялась задавать столь личные вопросы, да и смятение такое, хорошо хоть про Идена не забыла спросить. Что ж, буду пытаться Уго...

Глава 15

Всю неделю с нетерпением ожидаю вестей от Сира. Каждое утро встречаю с надеждой, что сегодня он либо появится сам на правах друга, как обещал, либо пришлёт личного гонца, либо призовёт к себе. Но ни того, ни другого, ни третьего так и не происходит.

Когда томление и мучительное ожидание совсем одолевают, начинаю донимать расспросами телохранителя, прямо за завтраком и приступаю,

– Уго, ты можешь объяснить, что за печать на плече у Сира? – захожу с малого, делая вид, что Милли не объяснила. Подруга помалкивает, то ли подыгрывая, то ли желая узнать дополнительную информацию.

– Такая? – парень оттягивает слева широкий ворот свободной белой рубахи.

– Да, – подтверждаю, разглядывая вблизи знак, напоминающий трезубец с заострёнными, словно пики наконечниками, – наверное, такая, я же только с трибуны видела, когда он на поле был, слишком далеко, чтобы разглядеть в подробностях.

– Это печать бойцовой школы, – терпеливо поясняет охранник, возвращая рубашку на место.

– Милли сказала, что на животе у него ещё печать, – про-

должаю невинно.

– Да, да! У него там цветок в виде полураскрытого бутона!
– горячо подтверждает подруга.

– И, когда успела? – вздыхает парень, – ах, да! В бассейне все подробности разглядела.

– Ага! – Милли – сама непосредственность.

– Так и ты там тоже была, – обращается ко мне.

– Не туда глядела, – вздыхаю, с опозданием догадываясь, что он мог подумать.

– М-да, девочки! – укоризненно ворчит Уго, пресекая наше любопытство, – давайте поедим спокойно, потом поговорим, – но ненадолго, как только выходим из-за стола, Милли напоминает о незавершённом разговоре,

– Так, что там за печать на животе у Сира?

– Такая? – телохранитель напряжённо приспускает штаны.

– Ого! – удивляемся в один голос, – ты тоже учился на любовника?!

Уго краснеет до корней волос, словно девица, налобное клеймо начинает резко пульсировать,

– Нет! И Сир не учился!

– Откуда ты знаешь, что Сир не учился? – мне важна любая информация о нём. С некоторых пор высокочтимый Сир Балтазар занимает все мои мысли.

– Мы там познакомились... Но вскоре стало ясно, что мы – воины, а не сладкие мальчики для утех! – Уго заправляет

рубашку в брюки, в голосе резкость. Но любопытную подружку не унять,

– Интересно, как вы это поняли?

– Хватит вопросов, – обрывает парень, потеряв терпение, – больше не скажу ничего!..

Уже потом, без Милли, я пытаюсь ещё кое-что узнать,

– Уго, если вы с Сиром давние знакомые, не знаешь ли ты, откуда он родом?

– Зачем тебе, реи? – отвечает он вопросом на вопрос.

– Мне кажется, он меня знает, – делюсь подозрением, – но я его нет...

– Поговори с ним сама, не бойся, что захочет, расскажет сам.

– Уго, – не отстаю.

– Что, Тина?

– Не захочешь, не отвечай, но не спросить не могу: как в пятнадцать – шестнадцать лет можно понять, что ты создан для войны, а не для любви? Тем более, Милли сказала, что совершеннолетие мальчиков в Нуаре наступает в восемнадцать лет.

– Милли – аристократка, далёкая от реальной жизни. Когда ты раб, никакие законы и правила не работают. Что хозяин пожелает, то раб и сделает, сколько бы ему ни было лет!

– Но школа мужей – это вообще, о чём?

– Это о том, что в закрытом заведении красивых мальчиков-рабов готовят для улады богатых старых пресыщенных

развратом вдовиц, не спешащих сменить свой траур на брачные одежды, – тяжело вздыхает Уго. А мне уже совестно, что вынудила говорить об этом,

– Прости, не хотела тебя расстраивать, не хочешь не говори.

– Да, пожалуй, достаточно воспоминаний на сегодня, – расслабляется...

Спустя ещё несколько долгих одинаковых в своей праздности дней, меня ждёт долгожданная встреча с Сиром. Опять на мероприятии. Сегодня мы идём на бои.

– Уго, у вас в Нуаре бывают мирные зрелища? – пытаю телохранителя, – почему кровь кругом?

– Жестокий Тёмный мир, жестокие нравы, – пожимает он плечами, – привыкай, реи, теперь это и твой мир.

– Привыкаю...

Мы втроём сидим в верхнем зрительском ярусе, не в последнем ряду, но довольно высоко, в особой ложе. Вокруг нарядная публика, если эти одежды, вообще, можно считать нарядами, внизу арена.

– Сир ещё и в боях участвует? – спрашиваю опасливо телохранителя.

– Нет, он давно уже с этим покончил, – мотает головой Уго, – как и все – зритель.

Через некоторое время убеждаюсь в этом: прямо по нашему ряду движется высокая процессия. Впереди Сир, как

всегда в белой свободной рубаше. Волосы заправлены за уши, но на распуск. Узкие чёрные брюки плотно обтягивают мускулистые бёдра, не могу не любоваться. Сердце пропускает удар, а надо сохранять спокойствие! Сзади свита: компания нескольких молодых мужчин, все, как на подбор: гвардия, – понимаю я.

– Тина, – громко шепчет мне прямо в ухо Милли, – он идёт к нам!

– Вижу, – отвечаю одними губами.

– Ты же помнишь, подруга, что должна мне с прошлого раза?

– Помню, – досадно, конечно, но Милли права, Сир не моя собственность, чтобы отнимать у влюблённой подруги его внимание, а жаль! Что ж, она такая же влюбчивая дура, как и я. Да к тому же, я сама ему объяснила, что не свободна. Пусть подруга из кожи лезет, а мне бы только узнать по своему вопросу.

Но он решает за нас. Обходит Милли стороной, хотя она уже прижалась ко мне поближе, демонстрируя, что рядом с ней свободно, при том, что на скамью Сира никто и не претендует. Что до нас, так мы приглашены им самим. Владыка обходит и меня тоже, усаживаясь по другую руку. Остальные молодцы рассаживаются над нами рядом выше, вместе с Уго. Они здороваются и справляются о его делах, как старые друзья. Милли обиженно дует губы, но я тут не при чём. Сама в шоке, сижу, будто кол проглотила, не жива, ни мертва.

Слышу негромкое,

– Здравствуй, Тина! – с его стороны.

– Здравствуйте, Сир, – давлю из себя. И замечаю, что публика повернула все головы в нашу сторону, – скоро благодаря его вниманию, меня будут знать все...

Дальше следует неловкая пауза, к счастью недолгая, так как на арену под барабанную дробь выходит первая пара бойцов. Это молодые мускулистые парни с печатями на лбу и короткими стрижками, значит, невольники. Их крепкие тела по пояс обнажены, в руках оружие. Вернее, оружие, в виде мощного сверкающего лезвием на солнце меча, только у одного бойца. У его соперника в руках длинная плётка и всё.

– Бой обещает быть довольно интересным, – комментирует Сир, почти касаясь губами моего уха.

Кругом шум, поэтому ему приходится так приблизиться, чтобы я слышала. У меня по коже от его дыхания начинают разбегаться мурашки, но я держу себя в руках и даже пытаюсь вести светскую беседу,

– Но это же несправедливо!

– В, чём несправедливость? – уточняет владыка.

– У одного холодное оружие – меч, а второй безоружен, вышел с каким-то кнутом.

– Это плеть, – насмешливо поясняет Сир, – в умелых руках довольно серьёзный аргумент против меча.

Буквально через несколько минут я и сама в этом убеждаюсь. Парень с мечом практически бессилен, что-либо сде-

лать со своим почти безоружным противником. Плеть в его руках словно оживает. Она превращается в сильную ловкую змею. Извиваясь в воздухе со зловещим свистом, змея точными бросками кидается на несчастного меченосца, а тот вынужден лишь отскакивать, изворачиваясь от жалящих бросков. А они всё повторяются и повторяются, и становятся всё точнее, меченосец устал и начинает пропускать удары. Они горят алыми всполохами на его плечах и груди. Очередной ловкий бросок аспида выбивает холодное оружие из рук, парень пытается его подобрать, но противник не позволяет, опуская удары змеиного хвоста в непосредственной близости от меча.

Я сижу, закусив кулак, и забываю дышать. Всем своим существом я сейчас будто нахожусь в теле несчастного безоружного меченосца, ещё на что-то надеясь, хотя в глубине души знаю, он проиграл. И молюсь лишь за то, чтобы поединок не оказался для него смертельным. Вот очередным ударом он уже повержен на колени, тело его во многих местах сильно кровоточит, дух сломлен. Разве он ещё не проигравший, разве это уже не победа его противника? Не в силах наблюдать истязание человека, зажимаю глаза и жду.

Глава 16

Открываю их, только когда зрители на трибунах начинают скандировать,

– Сир, Ваша воля! Воля! Сир!

– Чего они хотят? – спрашиваю у владыки, но он меня не слышит, поднимается со скамьи во весь рост и, немного помедлив, поднимает обе руки вверх.

На мой вопрос отвечает Уго, нагнувшись с верхнего ряда,

– Они требуют Сира решить участь побеждённого.

– И, что он решил?

– Что победитель его убьёт, – просвещает меня охранник, – две руки вверх это обозначают.

– Какой кошмар! – меня уже тошнит от всего, – а если бы он подал другой знак?

– Значит, было бы по-другому.

– А, чтобы помиловать, какой должен быть знак?

– Нет такого знака, если бы Сир поднял одну руку, побеждённый убил бы себя сам, так, что владыка великодушен.

Судя по свисту и топоту зрителей, решение господина большинству пришлось не по вкусу. Я гляжу на Милли, она с большим интересом наблюдает, что будет дальше. А дальше, победитель подбирает меч несчастного, подходит к поверженному противнику неспешным шагом, рывком за волосы поднимает с земли на колени и так, удерживая за воло-

сы его голову, одним ударом меча точно по центру шеи, отсекает её. Обезглавленное тело ещё несколько минут содрогается в конвульсиях, продолжая стоять на коленях, из отрубленной шеи, словно из трубы хлещет кровь, сначала поднимаясь фонтаном, потом поток становится слабее и наконец, тело валится на бок, обагрив землю остатками живой горячей крови. Голова убитого с раскрытыми, ничего уже не выражающими глазами, болтается на острие меча победителя, а герой, запустив другую руку прямо в отрубленное горло, зачерпывает пригоршню крови и одним глотком выпивает, выпачкав губы и лицо.

Это было последнее, что я видела. В глазах мутится, дышать становится трудно, желудок делает кульбит, намекая, что ещё минута промедления, и все узнают, что я ела накануне. Не дожидаясь позора, вскакиваю с места и рвусь к проходу. Восторженный рёв толпы, приветствующей победителя, гонит меня, как можно дальше от этого жуткого места. Я резко поворачиваюсь спиной к арене, чтобы больше ничего не видеть и встречаюсь, буквально натыкаясь на цепкий немигающий взгляд мастера Йорга, наблюдающего за представлением с самого верхнего ряда, там наверху по соседству с ним никого. А я-то думала, что мага здесь нет, а он оказывается, всё это время зорко следил за всеми нами с самой высокой точки.

Анализировать его поведение нет никаких сил и возможностей, в любую минуту со мной может произойти непри-

ятная оплошность. Напоследок вижу, что Уго вскакивает со своей скамьи и, расталкивая друзей, устремляется за мной, но Сир останавливает его и поднимается сам...

Не знаю, сколько минут потребовалось, чтобы вырваться из ада, но я не опозорилась. С содержимым желудка всё же пришлось расстаться, но уже вдали от посторонних глаз, под деревьями, что растут густой стеной неподалёку от арены. Там же я обнаружила небольшой фонтанчик. Он здесь, как нельзя, кстати, я торопливо полощу рот, умываюсь и даже мочу голову, наплевав на причёску, которую с большой любовью мне мастерила Чиу ещё пару часов назад.

Видел ли мои изрыгания Сир, не знаю. Скорее всего, видел, потому что, как только я заканчиваю приводить себя в порядок, сразу подходит,

– Полегчало? – спрашивает участливо.

– Нет! – рявкаю ему прямо в лицо, не сдержавшись. К чёрту церемонии, он же просто жестокая скотина! Строит из себя галантного рыцаря, а на самом деле монстр. Вот наиграется со мной в благородного принца, а потом так же башку отрежет и глазом не моргнёт, а скорее всего, поручит кому-нибудь. Да тому же Уго!

– Вариантов не было, – пытается оправдать свой приговор Сир.

– Ну, конечно! Чтобы удержаться у власти, публику надо кормить вдоволь хлебом и ублажать зрелищами!

– А, ты умная, Тина, – комплимент отвечает, не нуж-

даюсь!

– Да уж, не дура!

– Он всё равно был приговорён, – отвечает спокойно.

– За что?

– Не в этом смысле, плеть была отравлена.

– Откуда ты знаешь? – не понимаю, о чём он.

– Кровь на ранах от ударов не останавливалась, ты же видела, он был весь в крови, и потом, когда голову отрубили, заметила, как хлестануло из него.

– Заметила?! Не то слово! А что, обычно не так? – я слава богам, не знаток в таких делах.

– Не так... Брызнула бы в первый момент, но чтобы весь истёк, это уж слишком.

– Выходит, ты его ещё и благодетельствовал?

– Выходит, что так, – соглашается и сарказма не замечает.

– Ну, молодец, что ещё сказать! – сама не понимаю, как перехожу не просто на устойчивое "ты", а вообще страх потеряла, наглею вконец.

– Понимаю, к чему ведёшь, – соглашается, – завязать бы со всей это кровяной, да не могу. Они тут чёртову кучу поколений так развлекаются, а Сиром я стал меньше года назад. Стараюсь, но не всё в моей власти.

– Уго сказал, ты всемогущ... – гнев мой оседает, словно пена в забродившем и взболтанном вине.

– Уго преувеличивает...

Мы прогуливаемся по тенистому саду. Сир понимает, что

обратно в арену я не вернусь, и не настаивает. Напротив, мы уходим от ужасного места всё дальше, глубже и глубже, заходя в безлюдные дикие заросли. Я уже не злюсь на владыку, стараюсь понять его мотивы. Он берёт меня за руку, и прикосновения его приятны, а ладонь горяча. Так и идём, взявшись за руки и молчим. Я набираюсь храбрости и спрашиваю,

– Зачем я тебе? Почему ты меня украл? Почему меня?

– Столько вопросов, – усмехается он, внимательно глядя мне в глаза, – а ответ на поверхности, и ты его знаешь, Тина.

– Не понимаю, о чём ты...

– Поймёшь, когда-нибудь...

Я разглядываю его лицо, пытаюсь найти ответ в мимике и чертах и не нахожу. Мгновениями кажется, что оно мне знакомо, но это объяснимо, мы виделись уже несколько раз, конечно, знакомо. А Сир отводит ещё влажную после умывания прядь с моего лица и целует прямо в губы. Хорошо, что как следует, прополоскала рот, но целовать меня, после того, что видел? Это уж слишком! Поцелуй его сладок и нежен, я забываю неловкость, мучившую только, что и отвечаю. Всё моё тело готово ответить. Он прижимает меня спиной к стволу дерева, и я оказываюсь в плену. Это положение что-то смутно напоминает. Что-то далёкое, но точно некомфортное. И я возвращаюсь в реальность, отстраняюсь, разрывая магию поцелуя, и тороплюсь спросить,

– Вы что-нибудь узнали об Идене, Сир? – сама не пони-

маю, как снова обращаюсь на "Вы", невольно восстанавливая дистанцию между нами.

– Пока ничего, – отвечает, мгновение подумав, но, не успевая скрыть сожаление в голосе...

Мы ещё немного блуждаем по аллеям сада, мой спутник показывает растения, которых я никогда не видела, потому что в моём мире они не растут. А он будто точно знает, какие именно, для меня в диковинку. С ним снова легко, как со старым другом и неожиданно надёжно. Давно забытое чувство, не помню, с каких времён. Потом возвращаемся к арене, безобразие закончилось, и нас уже заждались. Милли надулась, как мышь на крупу, на меня и не смотрит. Мы прощаемся с Сиром, он многообещающе бросает,

– До скорой встречи, – что в его понятии "скорая"? Очень интересно...

Глава 17

Возвращаемся домой, как обычно втроём. Милли по-прежнему обижена, похоже, не только на меня, но и на Уго. Интересно, что с ним-то не поделила? Она сразу направляется к себе в комнату, а мы с телохранителем задерживаемся в гостиной, уходить не хочется ни мне, ни ему.

– Ты не думай, Сир – не монстр. Он – воин! – оправдывает своего господина Уго.

– Я и не думаю. Вернее, думаю, конечно, но о другом. Вот если бы на вашем с Балтом жизненном пути попадались добрые люди, из вас могли бы получиться отличные заботливые и нежные мужья, главы семейств, а получились бесчувственные чурбаны.

– В этом мире вряд ли, – размышляет Уго, – до настоящего брака и создания нормальной семьи выпускники заведений, подобных тому, куда мы угодили, доходят редко, мы с Балтом не исключение.

– Ты о чём? – не сразу соображаю, – про школу мужей, что ли?

– Да какая там школа! Рынок молодых и сильных рабов, для услады старых шлюх! – злобно выпаливает парень, – одна реиси по имени Лукра приобрела нас в этой школе, спустя полтора месяца, как мы туда попали.

– Реиси – это кто?

– Рейджи – замужняя дама, реиси – вдова.

– Понятно.

– Очень тщательно выбирала, специально: один блондин, другой брюнет. Эстетка, мать её!

– Какой же ты брюнет, Уго? Что-то путаешь, – недоумеваю, – вы оба с Сиром блондины, только он ещё белее тебя.

– Я ничего не путаю, реи, Балт был брюнетом, ровно до того, как мы не оказались у проклятой Лукры!

– Как это? – чувствую, что становится всё горячее, сейчас Уго откроет мне тайну, которая лежит на поверхности, а я не вижу.

– Эта старая жирная потаскуха заставляла нас заниматься таким непотребством, что подробности я опушу. За отказ исполнять её безумные желания, морила голодом, и мы решились сбежать! Глупцы! – клеймо на лбу Уго рдеет, словно ожёг, видно, воспоминания даются непросто, – из Нуара не сбежишь! Она подала в розыск, нас быстро нашли... – он надолго замолкает.

– А, что было потом? – душа холодеет от предчувствия неладного.

– Потом? – отмирает Уго, – потом нас бросили в темницу, в прямом смысле темницу, хоть глаз выколи, не видно ни зги. Еду кидали, как собакам, прямо в темноту, но жить захочешь, найдёшь.

– Ох! Жуть, какая!

– Но самым страшным оказалось не это! Балт решил меня

выгородить, он же благородный герой, а я сопляк, младше его, ненамного, но всё же, поддался слабости, а он весь удар принял на себя.

– Его пытали? – шепчу в ужасе.

– Не знаю, молчит до сих пор! Его регулярно уводили куда-то, и я не знал, вернётся он или нет, но всегда возвращали: притаскивали назад чуть живого. В темноте не разберёшь, что с ним было не так, мой друг становился, словно труп. Через несколько часов жизнь к нему возвращалась, но он молчал. Я его тормозил, расспрашивал, но Балт будто был не со мной. И не понятно, где его душу носило в это время.

– Какой кошмар! Как же он выжил?

– В, конце концов, нас отпустили. И, спустя долгое время мы оказались на свету, я с непривычки чуть не ослеп, а когда глаза адаптировались, Балта не узнал, его тёмные волосы были белы, словно снег! – в голосе Уго слышится такая неизбывная боль, что у меня ком подступает к горлу, а из глаз сами собой текут слёзы. Я только и могу крепко сжать его пальцы, а ответить не могу.

– Никогда себе не прощу, что смалодушничал, – Уго вырывает свою руку из моей, – жизнь за него отдам, если потребуется! Он мне как брат, Тина, больше, чем брат!

– Понимаю!

– Слава богам, Лукре нас больше не вернули. Школа мужей тоже отказалась, и нас отправили на бойню – в школу бойцов. Но это оказалось лучшим из возможного. Как толь-

ко мы пришли в форму, немного отъелись после Лукры и тюрьмы, начали тренироваться, как черти. Балт совсем по-двинулся на этом. Вскорости, его стали выставлять на бои. В школе-то мы всё время боролись друг с другом, но так как он очень быстро прибавлял в мастерстве, его выставляли по-настоящему. Сначала с ровесниками, а потом и с опытными матёрыми бойцами, – Уго устремляет взгляд куда-то в пространство, и я догадываюсь, что перед его глазами прямо сейчас мелькают картины воспоминаний, – он на арене превращался в зверя. Я никогда не думал, что он таким станет! Со мной Балт был заботлив и добр, как и раньше, только сильно замкнут, а на арене мог разодрать голыми руками любого зверя и человека мог... Что они с ним сделали в той тюрьме, не представляю... Он совершенно утратил страх... Любой... И страх смерти тоже...

– Теперь понятно, почему он не ценит жизни других, – вздыхаю.

– Не правда! – горячится Уго, – ценит, очень ценит! Просто его взгляд на жизнь другой. Тебе это сложно постичь, да и не нужно. Чтобы ценить жизнь так, как Балт, надо пройти его путём, а это страшно. Нужно побывать за гранью. Он свою жизнь и свободу выгрыз зубами, на той самой арене, где мы сегодня были. Ему там равных нет и сейчас. Не стань он таким, не то, что не был бы Сиром, вообще, не был бы. И меня бы не было, и ещё многих, кого он спас!

– Послушать тебя, так он герой, святой мученик, практи-

чески! – парирую, скорее по привычке, понимая в глубине души, что согласна с Уго, другого пути у Балтазара не было.

– Так и есть! И ты поймёшь это, Тина, когда узнаешь его ближе!

– Посмотрим...

Разговор иссякает, главное сказано, добавить нечего, и мы разбредаемся каждый в свою сторону. Я перебираю в уме новые факты, узнанные о Сире, словно бусины на чётках. Их всё больше и больше, этих бусин, я интуитивно чувствую, что они складываются во что-то важное, что-то близкое, но оно снова ускользает от меня, так и не открывшись...

Глава 18

На следующее утро мы с Уго встречаемся за завтраком в общей гостиной, Милли нет. Её опять нет, как и вчера за ужином. Молчаливая Мия лишь пожимает плечами на наш вопрос, выйдет ли хозяйка, и уносит поднос с едой прямо к ней в опочивальню.

– Не пора ли, реи, навестить подругу, – как бы, между прочим, спрашивает телохранитель.

– Ты тоже волнуешься? – вглядываюсь в его лицо и вижу неподдельное беспокойство в глазах, – да она не безразлична тебе, Уго! Я угадала? Милли тебе нравится?

– А, если и так, что толку? – пожимает плечами вроде бы равнодушно, но в голубых глазах застыла отчаянная тоска.

– Я думаю, вы – прекрасная пара! – развиваю тему.

– Спасибо, добрая реи, но это мне не принесёт пользы, – вздыхает, – у Милли свой взгляд на данный вопрос.

– Да, – тут он прав, – её взгляд устремлён в одну конкретную сторону, и мы оба знаем в какую.

– И оба прекрасно понимаем, что из этого ничего не выйдет!

– Значит, есть шанс, – сама в это верю не особо, но как могу, поддерживаю друга, – что наша щебетунья, когда-нибудь обратит на тебя внимание.

– Тина, забудь, она же потомственная аристократка, а я

кто?! Безродный, чужеземец, бывший раб, подвизающийся на службе у Сира. Сменится владыка, и я превращусь в никому не нужного нищего пса!

– Не правда, Уго! – вот ещё удумал, – только не говори мне, что ты простолюдин! Я породу вижу издалека, глаз наметан. Кем ты был в Мигоне? Я наверняка знаю твой род!

– Какая разница, кем я был до того, как попал сюда, клеймо всех уравнивает. Оно одинаковое и для крестьян, и для дворян, и для северян, и для пигов, и никаких регалий не сохраняет.

– Может быть, ты и прав, это не имеет значения здесь. Отличный шанс для тех, кто в прежней жизни стоял на нижней ступени иерархии, можно забыть неудачи в той прошлой жизни и доказать этому миру, что ты сам по себе ценность, без статусов и родословных. Поэтому я верю, что у тебя всё будет хорошо, ты этого достоин, Уго! – верю ли на самом деле, не знаю, но сейчас настроение говорит, что да! – пойду, поприветствую дорогую подружку, – и этой обиженной упрямыце настроение надо поднимать...

Да что ж вы такие депрессивные-то, ребята? Мне в пору, реветь, да по дому скучать, а я вас поддерживаю!..

– Милли, – скребусь в дверь, – ответом мне тишина. Не сдаюсь, стучу, – Милли, хватит прятаться!.. Можно войти?

– Но не нужно, – слышу в ответ. Вот ещё! Забыла, у кого ты в гостях, подруга?

Захожу, наша красотка, лохматая, как домовёнок и неумытая валяется на своём голубом ложе и не собирается подниматься. Крошки по всей простыни говорят о том, что завтрак был подан в прямом смысле в постель.

– Ты, что это, подруга, заболела, что ли?

– Да! Приболела-таки, – хмуро отвечает нечёсаное чучело.

– Я и вижу, и как же называется твоя болезнь? – присаживаюсь к ней и достаю из-под себя колючую крошку, – аппетит вроде на месте, – касаюсь рукой её прохладного лба, – да и жара нет.

– Обида, – дует она губы, как маленькая.

– Уж, не на меня ли, дорогая?

– На всех, – отворачивается.

– Ну, не дуйся, Милли, это не идёт тебе совсем! – беру её обиженное лицо в ладони и поворачиваю к себе. Замечаю в прекрасных карих глазах слезинки, – жизнь не всегда поступает по справедливости, подруга... Давай поговорим.

Она молчит, вздыхаю и перехожу к конкретике,

– Я не отнимаю у тебя Сира, я его, вообще, ни у кого не отнимаю, но он не бесправный раб, ему не прикажешь. Он – владыка и сам может нам приказывать. Меня же тоже не спрашивают, чего хочу. Я ищу очень важного для меня человека, но господина это, похоже, не интересует. Чего он хочет от меня, не знаю... – Милли молчит, но слушает внимательно, – ты ведь знаешь его давненько?

– Конечно, иначе, как бы я у тебя оказалась? – подтверждает, – он послал.

– Вот видишь! Он послал, а ты и пошла. А чего до меня за него не боролась? Уж, глядишь и в жёлтом наряде бы по его дворцу разгуливала.

– Он никогда не замечал меня, да и других девушек тоже, – вздыхает подруга.

– А, меня из-под венца вырвал, хотя я не просила! Я о нём и знать не знала! И вот, где здесь справедливость?

– Ты права, – признаёт-таки, – и что будем делать?

– Не знаю, – я же не оракул, – но дружбу свою ломать точно не станем из-за чьих-то необъяснимых прихотей!

– Точно, Тина! – кидается ко мне на грудь, – ты самая моя лучшая подруга! – и почему здесь не приняты нормальные человеческие объятия?

– А, ты у меня единственная! Знаешь, как я горжусь, что дружу с такой замечательной реи: самой красивой, самой весёлой, самой модной!

– Ты серьёзно так считаешь?

– Абсолютно! И я очень хочу, чтобы ты была счастлива!

– И я хочу, чтобы ты была счастлива! – радостно кивает Милли.

– Поэтому, наверное, есть смысл присмотреться к Уго, – перехожу к делу, – он сможет сделать тебя счастливой.

– Уфф! И ты туда же?

– Куда?

– Уго вчера признался мне в любви... – вздыхает.

– Подумай! Такой красивый, такой ладный! Он ведь аристократ по крови, ровня тебе, я вижу. Разве его вина, что попал к вам сюда?

– Ладно, пусть любит, посмотрим, – машет рукой, без энтузиазма, однако.

– Вставай уже, лежебока, приводи себя в порядок, а то разлюбит, не ровен час! – стараюсь всё обратить в шутку.

Подруга нехотя выбирается из подушек, а моя миссия окончена, ухожу к себе...

Совсем немного поскучав и так и не придумав себе никакого интересного занятия, слышу в раскрытое окно приближающийся стук копыт по садовой аллее.

Интересно, это то, о чём я подумала?!

То самое, от чего сердце ударилось в пляс и бедное, сейчас выскочит из груди?!

Глава 19

Подхожу к окну и вижу, что сумасшедшее сердце не ошиблось: Высокочтимый Сир в традиционно белой свободной рубашке и, как всегда, в узких чёрных брюках, верхом на рогатом козавре приближается к дворцу. Белые волосы на распуск развеваются по ветру, осанка прямая, властный профиль. Да он прирождённый господин, и не скажешь, что у власти недавно! Похоже, королевское достоинство и благородство у него в крови! Каких сюрпризов от Вас сегодня ждать, мой Сир?

Поравнявшись с крыльцом, он ловко спешивается и ведёт козавра в тень, там набрасывает узду на ветку и заходит в дом. А внизу уже возня, суeta и топот. Вдруг всё мгновенно стихает, и в полной тишине,

– Эй, хозяйка! – зычный крик из гостиной, – гостей принимаете?

Сердце колотится, как птица в клетке, того гляди, вылетит и помчится голубем прямо в руки гостю. Гляжусь в зеркало: щёки пошли румянцем, глаза горят, надо хоть дыхание выровнять, а то, выбегу, как простая селянка, никакого этикета... Слышу, распаивается соседняя дверь, тянуть дольше нечего. Вместе с Милли выходим к лестнице. Внизу Уго и Сир обнимаются крепко, по нормальному, вовсе не по-нуарски. Услышав движение наверху, Сир поднимает голову.

Боги, какие глаза, колени сами начинают слабнуть! Интересно, на мою подругу его присутствие производит такой же эффект?

– Добрый день, прекрасные реи! Как поживаете?

– Добрый день, Сир!

– Прекрасно!

– А, не соблаговолит ли реи Тина побывать нынче у меня в гостях? – прямо с места в карьер! Он спрашивает или велит собираться? Разве есть выбор? А сама, чуть не скачу от этого приглашения,

– Соблаговолит, Высокочтимый Сир! – отвечаю сдержанно, насколько могу. Милли стоит рядом хмурая, и до невозможности сжатая, будто кол проглотила.

– Ну, так собирайся, дорогая! – ого, уже дорогая!

Бегу собираться. Мне пары минут хватит, чего возиться, меняешь один балахон на другой, и всё! А так хочется быть неотразимой! С болью вспоминаю свой прежний гардероб, вот уж там было, где развернуться!

– Тина! – слышу голос подруги.

– Да, милая, входи! – сейчас заведётся старая пластинка о том, что я отбираю у неё любимого Сира. Боги, дайте мне терпения!

Но ошибаюсь, непростительно ошибаюсь. Милли несёт в руках самый лучший свой наряд, приготовленный специально к какому-то, только ей известному, событию. Его ещё никто не видел: длинные висячие серьги с розовыми камнями

и два богато украшенных теми же драгоценностями браслета на обе руки, как здесь принято. В другой ладони горсть перстней из этого же комплекта и обалденный пояс для моей туники. Мия совсем недавно закончила его расшивать, истинное произведение искусства: посередине пояс шириной с ладонь, сужающийся к концам, переходящим в золотые кисти. Вышивка по центру изобилует замысловатыми тонкими узорами всех оттенков розового, от яркой фуксии до самого бледного зефира.

– Милли, родная! – не могу сдержать восторга, – это же твоё любимое! Для особого случая!

– Это и есть тот самый особый случай! – протягивает мне красоту, – другого, не будет!

– Спасибо, подруга! – глаза на мокром месте, – какая же ты, всё-таки, хорошая!

– Стараюсь, – всхлипывает в ответ. И мы вместе принимаемся реветь. Я от умиления и того, как она меня впечатлила своей честной преданностью и искренностью, ясно же, как белый день, для кого она эту красоту готовила, и теперь вот так оторвала от сердца! А подруга от обиды на злодейку судьбу...

Но всё, всё! Быстро берём себя в руки, глубоко дышим, вытираем слёзы, обмахиваемся, негоже, чтобы мы вышли к мужчинам такими красавицами с распухшими носами и заплаканными глазами...

Наряжаюсь, Милли помогает, Чиу мечется, пытаюсь наце-

пить на меня сандалии, соответствующие наряду. В отражении зеркала замечаю, как много на мне нынче розового, и тут осеняет,

– Милли!

– Что, подруга?

– Это то, о чём я думаю? – указываю руками на все аксессуары сразу.

– Это то! – подтверждает она, – пора тебе, реи, привыкать к розовому!

– Ой, ой, ой! Я не готова!

– Ты? Не готова? Не смейся, ещё недавно ты готова была нацепить даже зелёный! – хохочет моя наперсница.

– Я поумнела, – смеюсь в ответ, а душа поёт!

– Тебя и не спросят, – улыбается с лёгкой печалью, – помни мои слова, подруга, из гостей вернёшься в новом статусе!

Гоню надежды прочь, боясь разочароваться. Вдох – выдох, выравниваем дыхание, умиряем разбушевавшееся сердце, и,

– Ну, всё! Я собралась! – последний взгляд в зеркало.

– Так пошли! Счастье долго ждать не будет! – подталкивает в спину Милли. Улыбающаяся Чиу распахивает двери, и мы выходим вместе с подругой.

Спускаюсь по лестнице и ловлю реакцию мужчин: Сир замер и глядит, как замороженный, в глазах немой восторг. Уго улыбается мне, потом переводит взгляд на Милли и, едва

кивнув ей одобрительно, шлёт тёплую ласковую улыбку. И я понимаю, он гордится, гордится моей золотой Милли и надеется...

Меня провожает весь дом. Чиу, Ири, Кроу и Мия сбились стайкой поодаль и, о чём-то чирикают по-своему, робко скидывая восхищённые взгляды на прекрасного Господина и на меня. Куан поближе, в стороне от девушек, в руках садовые ножницы, не может без работы мужик. Вроде бы, и безразлично ему, а в глазах добрая улыбка. Рядом Милли, тоже улыбается, грустно, но всё-таки, и даже больше не плачет.

Сир отвязывает могучего козавра и легко вскакивает в седло. А оно сегодня чудное: спереди от седока есть ещё одно место. Понимаю, всё продумал, специально для меня такое взял. Я опасливо подхожу к рогатому животному, владыка успокаивает,

– Не бойся, Тина, он кроток словно ягнёнок.

– Да, уж! – сравнил.

Подаёт мне руку, а Уго легко подхватывает снизу, подставив ладонь под ступню, и мне ничего не остаётся, как принять приглашение. Усаживаюсь в пол-оборота, обе ноги по одну сторону, словно амазонка, иначе платье надо задирать до ушей, немного поёрзав, кажется, закрепляюсь. Уго и Балт ударяют друг друга по ладоням, по странной местной традиции, и мой охранник с задорным гиком хлёстко шлёпает козавра по лоснящемуся крупу. Животное, будто только этого и ждёт, радостно срывается с места. Я катастрофически на-

чинаю терять равновесие, и вынуждена прижаться всем телом к груди Сира.

– Не бойся, дорогая, удержу, – шепчет мне в ухо. И я больше не боюсь. Я млею и стораю одновременно. Так близко к нему, пропадаю, теряю голову!

Управляя уздечкой, которую держит в обеих руках и, одновременно обнимая меня, Сир переводит животное в лёгкую рысь. Шаг козавра выравнивается и, привыкнув, я уже могу вертеть головой по сторонам.

Тем временем, мы выезжаем на довольно людную улицу. По обе стороны мостовой полно зевак. В столице все прекрасно знают владыку, и я, то и дело, слышу обрывки фраз,

– Это Господин!

– Как же он прекрасен!

– Какой мужчина!

– А, это его реи! Наконец-то!

– Чудо, как хороша!

– Может, скоро свадьба?

– Да нет, же! Девушка ещё даже не надела розовое!

Сначала я не думаю ничего такого, но последняя фраза, долетевшая до моих ушей почти полностью, заставляет задуматься: в каком качестве видит меня Сир? Женой или только наложницей? Он же господин, как захочет, так и будет. А Иден? Я о нём всё ещё ничего не узнала! Так, почему же моё сердце так радостно трепещет? Почему оно согласно ёкнуло при слове свадьба? И чего стоят мои клятвы? Я всё выложи-

ла Сиру про Идена, как на духу! Выходит, всем моим словам – грош цена?

Что он подумает: то я собираюсь замуж за Кристиана, теперь его ухаживания принимаю, так, что на лбу написано «я Ваша навеки!» и клейма не надо! При этом на словах – сама верность! А на деле? Стыд-то какой!

Глава 20

За настойчивыми угрызениями совести не замечаю, как заканчиваются жилые кварталы, и мы оказываемся на пустой широкой дороге, по сторонам которой тянутся лишь зелёные луга и рощи.

Сир, почувствовав свободу, переводит козавра в галоп, я, всерьёз опасаясь свалиться, вжимаюсь, насколько могу, в его горячее тело. Так, что сквозь ткань лёгкого платья и его рубашку жар проникает мне под кожу, и кажется, даже слышу гулкие удары его сердца... Или это моё так оглушительно колотится в унисон со стуком козавровых копыт?..

Дорога переходит в широкую тенистую аллею, спрятав нас от беспощадного нуарского солнца. Если бы не большие широколиственные сады и аллеи с густыми арочными кронами деревьев, плохо пришлось бы местным жителям. Всё-таки, климат здесь намного жарче Юты...

Аллея достаточно протяжённая, а кроны вековых деревьев так сплелись своими вершинами, что после яркого солнца, мы словно попадаем в темноту. Это немного пугает, и Сир, почувствовав моё волнение, берёт узду в одну руку, а другой, обхватив меня за талию, крепко прижимает к себе. Сразу становится спокойно и тревожно одновременно. Он оберегает меня, как хищник добычу? Или это что-то другое?

Хотелось бы верить, что не первое...

Наконец, деревья расступаются, и мы выезжаем к красивому, ровному, словно зеркало озеру, по которому плавают диковинные белые птицы, похожие на лебедей, а за ним возвышается помпезный, немного пугающий своей таинственностью дворец...

Он необычен, ничего подобного ни в Мигоне, ни в Ютландии видеть мне не приходилось. Три этажа, вроде бы по меркам царского дворца немного. На первом совсем немного окон, они длинными узкими стрелами уходят кверху. Второй этаж напротив, прошит такими же стрельчатыми окнами часто и насквозь. Третий верхний, украшен арочными, сходящими к углам на нет, так что они образуют крытые стеклянные террасы.

Блестящая крыша имеет несколько макушек, каждую из которых украшает стяг на высоком флагштоке. Знамёна разные. Одно, как я понимаю, флаг Нуара: угольно-черное с причудливым золотым вензелем, когда ветер расправляет ткань, я с ужасом понимаю, что вензель – это клеймо, каким помечают лбы пленников. Ещё в одном узнаю большую витиеватую букву "Б" расшитую красным на белом, догадываюсь, что это личный стяг Сира Балтазара, остальные ни о чём мне не говорят, надо будет спросить. Вроде бы дворец, как дворец, но необычность его в том, что он абсолютно чёрный! Выполнен из неизвестного для Ютландии и Мигона удивительного зеркального камня, словно налакированный...

Возле дворца нас кидаются встречать несколько слуг, по аллее марширует группа суровых мужчин в одинаковой коричневой форме. Сир спешивается, козавра принимает за повод один из слуг, а господин аккуратно подхватив меня за талию, опускает на землю. После такой езды у меня слегка подгибаются колени и дрожат ноги, но виду не подаю. Перед входом с крыльца расстелена белая ковровая дорожка, на чёрном фоне она смотрится очень торжественно и ярко. Меня принимают, как дорогую гостью, а может так Сира встречают всегда? Он подаёт мне руку и ведёт во дворец. Так получается, что приём вроде бы и торжественный, а вроде бы и, очень камерный, уютный, без посторонних глаз, только прислуга, никаких особенных церемоний. Двое слуг в расшитых золотом одеждах распахивают перед нами высокие резные двери чёрного дерева, и мы оказываемся внутри...

К моему удивлению в чёрном дворце совсем не жарко, напротив, под высокими сводами гуляет лёгкий прохладный ветерок, врывающийся сюда из открытых высоких окон, приятно. Навстречу нам спешит улыбчивый человек средних лет в бежевом одеянии: свободной рубашке и таких же брюках,

– Рад приветствовать Вас высокочтимый Сир и Вашу очаровательную... гостью, – быстро находится, – велите подать обед в большую столовую?

– Здравствуй, Гавр, – отвечает Господин без всякого высокомерия, как это принято у папеньки во дворце или в Ют-

ландии, – не надо в большую, накрывайте в малой, на две персоны. И попозже.

– Слушаюсь, Сир, – мужчина слегка кивает и бесшумно удаляется. А Балтазар показывает мне дворец,

– Думаю, мало чем можно удивить потомственную принцессу, – смеётся он, – но попробую.

И проводит анфиладой удивительно красивых помещений, связанных друг с другом общим проходом, словно бусины общей нитью. Я только верчу головой: картины, скульптуры, расшитые гардины, струящиеся занавеси, шёлковые диваны и кресла сменяют друг друга, а Сир, не давая мне толком оглядеться, ведёт куда-то за руку, и я иду.

Наконец, мы останавливаемся перед высокими массивными дверями. Господин делает торжественную паузу и распаивает их передо мной. Захожу осторожно в таинственное святая святых. Бог мой! Это библиотека! Она такая огромная! Даже если сложить вместе все библиотеки Юты и Мигона, столько не наберётся!

– Ты всё прочёл? – спрашиваю, уже ничему не удивляясь.

– Ну, что ты, Тина! И тысячной доли не успел! – смеётся, но кое-что интересное всё же здесь нашёл.

Я подхожу к одному из стеллажей, отворяю стеклянные створки и беру наугад толстую книгу в золочёном переплёте, открываю первую страницу и понимаю, что азбука Нуара почти ничем не отличается от нашей, разве что слишком грешит причудливыми завитками и некоторой оригинально-

стью написания заглавных букв,

– Сир, ты задумывался когда-нибудь над тем, почему, несмотря на многие различия, жизнеустройство и культура Нуара, столь схожи со странами Светлого мира?

– Задумывался, – отвечает, – я даже нашёл тут несколько довольно старых манускриптов, в которых есть этому объяснение.

В современной здешней литературе эта тема – табу, поэтому народ не в курсе, а вот в старинных источниках написано, что в давние времена, Нуар не был Тёмным царством. Он являлся одним из обычных государств, как Ютландия, например, или Мигон. Но в какой-то момент произошёл перелом, один из правителей усилил чёрную магию во власти, допустив победу тёмных сил над традиционно сдержанным магическим влиянием, а потом решил, что магия и могущество – это однокоренные слова, а значит, при её помощи, можно завоевать весь мир. И всерьёз поверил, что сможет стать сильнее богов. Боги не простили, и в назидание, ограничили свободу искусственно, оградив мир от нападок захватчика.

Просто из Нуара стало невозможно выбраться и попасть ни в одно соседнее государство, никуда. Переизбыток своей магии оказался заперт, словно молодое вино в бутылки с надёжной пробкой. И тогда началось брожение внутри государства. Чтобы хоть как-то спускать пары, и простой люд не поубивал друг друга в повседневном быту, стали появляться кроважанные зрелища, демонстративные казни,

здешние мужчины всё чаще и чаще при выяснении отношений убивали друг друга. В любом мире мужчины агрессивнее женщин. А в сжатом, закупоренном, вообще, теряют берега. Наступил момент, когда рождаемость в Нуаре начала падать из-за недостатка мужчин, тогда решено было брать их извне. Свободного проникновения в другие миры нет, но лазейка осталась: портал, который может открыть маг. Вот так-то.

– Интересно, если боги наказали Нуар за магию, то почему магам оставили эту лазейку?

– Думаю, в насмешку. Маг может нарисовать дверь и открыть, а вот пройти в неё не может.

– Здорово! А пиги тогда зачем? Они же не используются в воспроизводстве нации?

– И не могут, даже если бы захотели, природа не даёт. Это уж чисто для тяжёлых работ, – пожимает плечами, – развратились, одним словом, местные жители, совсем.

– Ну, так с этим надо же, что-то делать?! – возмущаюсь, а хозяин дворца тем временем подступает ко мне всё ближе, нежно проводит ладонью по щеке и отвечает так вкрадчиво,

– Делаю, по мере сил, – а я уже и не понимаю, о чём он. Все умные мысли из головы, своей рукой снял.

Сир прикасается тёплыми мягкими губами к моей щеке, уводя дорожку лёгких невесомых поцелуев к мочке уха и вниз к шее, туда, где бьётся, словно воробей в клетке тоненькая жилка, ударяя мне в голову толчками, словно набат

огромного колокола, спасая от того, чтобы не потеряться совсем, от накрывающих меня ощущений. Иден, Иден, Иден! Отстраняюсь и позволяю вырваться на волю этому звону,

– Сир, Вам удалось, что-нибудь узнать об Идене? – он с недовольным стоном отпускает меня и на удивление просто отвечает,

– Удалось!

– Вот, как! – сожалею, что так легко меня оставил и в, то же время, негодую, – и, что же Вы молчите?

– Тина, опять ты перешла на "Вы"? – укоряет обиженно.

– Оно само, как-то. Ну, так скажите поскорей, он жив, что с ним?!

– Пойдём!..

Глава 21

Он хватает меня за руку довольно жёстко и тащит из библиотеки, двери за нами захлопываются с оглушительным стуком. Чувствую, как Балтазар сильно раздражён моим упрямством. Мы идём быстро, то есть Сир идёт большими стремительными шагами, а я-то бегу, еле поспеваю. Мы поднимаемся на второй этаж, слуги, попадающиеся на пути, быстро ретируются в стороны, видя целеустремлённость Господина, попади ему сейчас под ноги, растопчет и не заметит. Сразу с лестницы упираемся в золочёные широкие двери, я бы задержалась возле них, рассмотреть диковинные узоры, но владыка резко ударяет по створкам ладонью, и они распахиваются...

Мы оказываемся в огромной зале, стены её – сплошь окна. Солнце прошивает своими лучами помещение насквозь, строя причудливые геометрические световые фигуры на полу и в воздухе. Создаётся ощущение парения, а из-за почти белого мраморного пола с прожилками сероватых разводов, парения на облаке.

Но Сир отнюдь не парит, он целенаправленно и твёрдо марширует по зале, шаги его сапог гулко отдаются в огромном пустом пространстве, а я по-прежнему висну в его руке. Мы пересекаем помещение почти до торцевой стены, и до меня доходит, что это тронный зал. Впереди высокий поста-

мент с тремя ступенями, на котором возвышается шикарный массивный, обтянутый чёрным бархатом, трон в золочёной оправе, как и полагается царскому.

Сир, оставляет мою, вспотевшую от волнения руку, делает несколько шагов в сторону окна, чётко действуя по какому-то ему одному ведомому плану, легко подхватывает солидное кресло на изогнутых ножках, одно из многих. Вбегаёт на постамент и ставит его рядом с тронном по правую руку. Потом спускается снова, обходит возвышение, я слежу за его действиями и замечаю, что он подошел к алтарю со стеклянным куполом. Иду за ним следом.

Там две короны: одна большая императорская, богато украшенная сапфирами и бриллиантами, а рядом поменьше тонкая и узорная, словно кружевная, тоже усыпана мерцающими каплями драгоценных камней. Большую, привычным движением, словно кепку, Сир надевает себе на голову, а малую, очень осторожно, как хрупкую драгоценность поднимает с бархата. И со словами,

– Никогда к ней не прикасался, – венчает ею меня.

Потом нежно берёт за руку и ведёт к трону, а я, словно зачарованная, послушно выполняю его волю. Поднимаемся по ступеням, и Господин усаживает меня в кресло, а сам садится на трон.

Что это значит? Он хочет, чтобы я стала королевой Нуара? А причём тут Иден? Не понимаю, я совсем запуталась! Но в следующую минуту, он берёт моё лицо в свои ладони

и смотрит долгим проникновенным взглядом, и что-то тоскливо-знакомое начинает шевелиться в моей мятущейся душе. Глаза. Почему они кажутся такими родными?

– Ты будешь верна мне, моя королева?

И я отвечаю, как уже ответила однажды, давным-давно, само произносится,

– Всю жизнь, мой король!

– Я тоже буду верен тебе всю жизнь! – тут меня озаряет сумасшедшая догадка,

– Иден! – шепчу и задыхаюсь, боясь ошибиться, не смея поверить в чудо.

– Ну, наконец-то, упрямица моя! – смеётся Господин.

– Это сон?! – разглядываю свою потерю, которая уже столько времени была рядом, – это, точно, сон...

– Не бойся! – успокаивает, – просыпайся, не исчезну!

Мы сбрасываем короны, они – не главное! Главное, мы вместе! Я плачу, смеюсь и снова плачу! Глажу его белые волосы, вглядываюсь в любимые черты. Я его узнаю, теперь узнаю! И сокрушаюсь, что не узнала раньше. Иден прижимает меня к груди так крепко, что тяжело дышать, но я готова задохнуться, лишь бы он больше меня не отпускал. Никогда! Он торопливо целует меня в глаза полные слёз, в нос, лоб, щёки и не может остановиться,

– Тина, моя любимая! Моя единственная королева на все времена!

Наконец, его губы встречаются с моими, и мы замираем

в моменте полного единения и гармонии. Вот оно счастье! Я ликую! Никогда за все прожитые годы, ни от каких подарков и праздников я не испытывала таких безумных, бурных, счастливых эмоций! И в то же время, появилось неиспытанное ни разу до этого, спокойствие и умиротворение. Всё встало на свои места в одно мгновение, наполнив жизнь нужным смыслом. Об этом и просила, и молила моя душа, даже тогда, когда я не понимала, когда забыла своего Идена!

Оправившись от первого порыва, мы сидим на ступенях подиума и молча любимся друг другом, потом опять целуемся, но уже неторопливо и нежно, потом опять не можем наглядеться друг на друга, словно не веря случившемуся с нами чуду. Я уж точно не могу поверить. Иден-то это чудо сотворил своими руками, а я только, что обрела...

И в такой романтический момент, когда больше никто не нужен, и кто угодно будет лишним, даже муха, залетевшая в раскрытое окно, покажется чужеродной, в двери заглядывает тот самый дворецкий, что спрашивал, куда подавать обед,

– Сир, кушать подано! – потом понимает, что не вовремя, – ой, извините, я не хотел Вас потревожить.

Не хотел, конечно, но потревожил же! Но мой золотой Сир добр и светел, как никогда,

– Уже идём, Гавр! – подаёт мне руку, помогая подняться, – пошли, любимая, мой повар ютландец, там был поварёнком при дворе. Я его нашёл здесь в богадельне для старых одиноких вдов, он там за ними судна убирал. Теперь вот мне

ГОТОВИТ.

– А, ты не брезглив, любимый! – теперь могу его так называть по праву и по душе.

– Хм! – фыркает, – ты сначала попробуй его стряпню, мясо тебе точно понравится, всё по-ютландски!

Мы сидим в малой столовой, которая не такая уж и малая, за огромным столом. Но нам так хочется быть рядом, что приборы, поставленные по обе стороны стола напротив, уже сдвинуты на один край, чтобы было удобней целоваться, кормить друг друга самыми вкусными кусочками, касаться рук и пить из одного фужера.

Повар и, правда, превзошёл самого себя, ничего вкуснее я не пробовала, даже дома.

– Хочешь, я отдам его тебе? – предлагает Сир великодушно.

– Кого? – не понимаю.

– Повара! В твой розовый дворец! – потом секундная пауза, – нет, не отдам!

– Почему это?

– Потому, что я заберу тебя к себе, сегодня же! Сейчас же!

– А, это нормально? Иден, я тебе даже ещё не невеста! По здешним меркам это прилично?

– Ты уже десять лет моя невеста, – напоминает.

– Но они-то не в курсе!

– Значит, надо менять здешние мерки, точно!

– Но пока ведь не сменил ещё?

– Нет, не успел! Но, чтобы с завтрашнего дня в белом я тебя не видел! – прямо приказывает строго, – и, вообще, готовь алый наряд, нечего тянуть!

– Слушаюсь и повинуюсь, мой Сир! – немного дразню его, – но дай в розовом-то хоть чуток пофорсить!

– Недолго! – отрезает.

Глава 22

Отобедав, идём прогуляться к озеру. Вечереет, жара немного спала, и самое время разговоров. Мне так много надо всего узнать, так о многом расспросить. Я хочу прожить потерянные годы вместе с ним хотя бы так. Пусть и быстро, пусть и урывками его воспоминаний, но мне необходимо восполнить тот вакуум, который сидел в моей душе пустым пузырьём и давил, давил, и мучил, а я никак не могла его ни спустить, ни заполнить. Потому что это место было предназначено только для одного человека, моего любимого Идена.

– Я так ненавижу тебя, Тина, ты даже не представляешь!

– Понимаю, прости за тот чердак!.. Я – предательница, как дура подала руку магу и отправила тебя, чуть ли не в преисподнюю.

– И за это тоже, но я не о том! – прерывает мои нелепые извинения.

– А, за что же, ещё-то?

– Ты флиртовала с Кристианом, это было ужасно! Я готов был тебя убить!

– Я!? С Кристианом? – вот уж бред, так бред, – мне на него было наплевать, причём, всегда!

– Не правда! Я видел, как вы шептались и смеялись вместе, тебе было приятно!

– А, чего бы, не посмеяться, если смешно? Я уж и не помню, чем он меня рассмешил.

– А, потом вы вместе запускали воздушного змея, и брат обнимал тебя!

– С, кем же мне было запускать змея, если тебя наказали, и ты просидел целую неделю взаперти? И не обнимал он меня вовсе, просто мы вместе держали нити и управляли им.

– Вы целовались! И не отнекивайся, Крис сам мне сказал об этом!

– Твой младший братец всегда был слегка подловат и избалован, вот и решил, наверное, над тобой подшутить или подразнить, а ты и повёлся! – смеюсь и вдруг понимаю, – с этим были связаны твои обиды? Как глупо всё получилось! Если бы тогда всё рассказал мне, как сейчас, не было бы проклятого чердака, и мы бы не потеряли друг друга!

– Прости меня! За тот чердак...

– Глупости! Я всё равно ничего не помнила...

– Какой же я дурак! А ведь все эти годы давился обидой на тебя и жаждой мести! Подумалось, что ты нарочно избежала от меня, чтобы стать женой Криса и не потерять трон!

– Вот, болван! Мне без тебя не нужен был никакой трон, но видимо, шок от случившегося был так силён, что очнувшись, я напрочь всё позабыла, если бы помнила, потеряла бы рассудок, наверное... Меня вынуждал лишь дочерний долг исполнить волю отца, но, даже не помня тебя, у меня больше никого не было, и с Крисом ничего не было... А у тебя, мой

верный король, много ли было женщин?

– Ни одной! – мотает головой, потом бледнеет и добавляет, – нет, вру, была одна...

– Кто же эта негодница?

– Старая шлюха Лукра... – цедит сквозь зубы с едва сдерживаемым отвращением.

– Ох! Это не в счёт! – успокаиваю.

– Ты знаешь?

– Только то, что рассказал Уго, немного, не вспоминая, пропусти, – глажу его вмиг похолодевший лоб, а под пальцами бугрится клеймо, – тебе было больно? – он сразу понимает, о чём я.

– Уже не помню, наверное.

– Почему мне отказался ставить? Сначала ведь собирался.

– Собирался, думал, вот тебе, Тина, за мои страдания, побудь на моём месте хоть немного. Всё равно, попросил Уго, чтобы палач не усердствовал. А, как представил тебя с клеймом, чуть с ума не сошёл! Когда увидел и, вообще в душе всё перевернулось. Кому я мстить решил? Любимой? Хорошо хоть успел вовремя. А сейчас думаю, нет этого клейма, и не надо, за местную сойдёшь вполне, ты чем-то на них похожа.

– Почему ты так долго не приходил, Иден?

– Всё просто, решил подождать, пока все забудут инцидент с отменой клейма, а потом не станут связывать его с тобой, – пожимает плечами, – но, знаешь, мне это далось непросто.

– Да, нет, я о том, что от тебя не было вестей почти десять лет!

– Не мог...

– Расскажи мне про волосы, любимый, что с тобой случилось? – утомлю его сегодня вопросами. А этот оказывается самым трудным.

Иден сразу меняется в лице, как будто стареет у меня на глазах, зря спросила. Ох, зря!

– Не знаю, как об этом рассказывать, – шепчет, а глаза, словно пеплом подёрнулись, и что-то страшное в них отразилось, неживое, – ни разу не пробовал, спрятал так далеко, чтобы не вспоминалось...

– Ну и не вытаскивай, забудь, – не мучать же его, в самом деле.

– Нет! Попробую, тебе... должен.

– Как хочешь, не неволю.

С минуту собирается с силами, потом начинает,

– Когда нас с Уго поймали после побега от Лукры, – тяжело сглатывает, – мы оказались в здешней тюрьме. Сама по себе она не страшна, хлев и хлев, не подохнешь. Темно только, а так, выжить можно.

– Уго говорил мне.

– Но пытки, конечно, запредельные, – он закрывает глаза и замолкает теперь надолго, на лбу проявляется кровавая метка, капли испарины, собираясь вместе, стекают влажными дорожками по вискам.

– Не надо, не хочу, чтобы ты снова переживал это, – уже сама останавливаю.

– Ты пойми, – будто и не слышит меня, уже с головой погрузился в свою тьму, – они не физические, я оставался цел и невредим.

– Это ещё, как?

– Всё иллюзорно, тюремные маги – чистые садисты, вводят заключённого в иллюзию смерти, а он ощущает всё, словно наяву.

– Боже мой, Иден! Что они с тобой сделали?!

– Я умирал больше десятка раз и всегда по-новому, и поразному. Самым лёгким, оказалось, умереть в петле, довольно быстро. Сгореть заживо на костре, тоже сносно, нестерпимо только в самом начале, потом сознание покидает легко. А я ведь сопротивлялся, тело сопротивлялось, не терпя боль. Потом было изнасилование каким-то изощрённым способом, от этого, конечно, не умирают, но когда внутри что-то лопнуло, я просто медленно истёк кровью. Сломанные кости тоже к смерти не приводили, только, когда шею свернули, всё померкло. Так я сам уже ждал этого, даже жаждал, скорей бы освободиться от боли...

Меня колотит от его рассказа, я хватаю ртом воздух, каждую минуту желая только одного, чтобы он замолчал, но осознаю, раз доверился, должна дослушать до конца.

– Самым невыносимым оказалось, когда с живого тела сдирали кожу, целиком... Я воскресал ежедневно, чтобы

вновь умереть. Сначала радовался, что выжил, принимая случившееся за кошмар. Но когда понял, что кошмар бесконечен, уже не хотел больше воскресать! Этому не видно было конца... И наконец, мне стало всё равно, после очередной смерти, мозг, наконец, отключился и перестал принимать боль... И тогда нас отпустили...

Я выдохнула с облегчением, чуть не скончалась от одного только его воспоминания,

– Как же ты пережил-то всё это, любимый мой! Они же изверги просто!

– Они были первыми, кого я казнил! Их же методами, физически они живы, но в своём уме не остался ни один... А Лукра сейчас трудится в доме инвалидов, хотела мужиков, получила: моет их теперь, кормит, горшки выносит... Ах да, волосы... Я себя и узнал-то не сразу... И Уго перепугался... Но мне уже было всё равно! Они убили меня, Тина, всё живое во мне уничтожили. Но я почему-то выжил и не свихнулся. И решил жить, во что бы то ни стало. Сначала, чтобы отомстить. Я жил мстью, питался ею, с её помощью загонял себя на тренировках, вдохновлённый ею, убивал на арене. Мсть помогла мне достичь всего, что ты видишь.

Наконец, я созрел до того, чтобы понять, что настоящей мстью будет перевернуть этот тухлый кровожадный мирок. Чтобы все, кто сделал его таким, сдохли от бессилия в тщетных попытках меня остановить, а те, что умерли, в могилах перевернулись. Прежний Сир, был ничуть не лучше преды-

душих: кровь, рабство, разврат, ложь, и всё это скреплено магией и безумством, как в последние времена Содома.

– А, как же клятвы на крови? Мне Уго говорил, соврать невозможно...

– Сказки для взрослых. Я не верю.

– Честно говоря, я тоже.

– Но народ верит...

– И магию ты не отверг?

– Свёл до минимума, но совсем без неё здесь никак...

– Как тебе в голову пришло меня выкрасть?

– Сразу собирался, едва только стал Сиром. Но Йорг упирался долго. Чуть не опоздал, – смеётся. Господи, он смеётся, после всего, что пережил, он всё ещё может смеяться. Мой несчастный, мой сильный, мой любимый седой мальчишка!

– А, чего он упирался-то?

– Какие-то свои мотивы, он, достаточно скрытен. И аргумент ещё весомый предъявил: Сирой может стать только девушка с нуарской кровью. В моём случае тем более, я же не нуарец.

– И, что с этим делать? Закон нарушать нельзя, народ не поймёт.

– Память толпы, любимая, не больше двух недель, никто уж и не помнит, что какая-то иноземка избежала клейма. Кто она, где, жива ли? Как выглядела? Им всё равно... С тобой это никто и не свяжет. Выдадим тебя за родовитую нуар-

ку, вполне соответствуешь. Подумаешь, приехала из провинции, ничего страшного. Привыкнут, ещё и праздник в честь свадьбы закатим, фейерверк! Да они пить будут за твоё здоровье, и желать многие лета нашему союзу, всё будет хорошо.

– Но Йорг помнит! Он наблюдает за мной!

– Йорг за всеми наблюдает. А мы за ним...

Глава 23

В свой розовый дворец я возвращаюсь только наутро. Не выспавшаяся, но счастливая. Кто бы мог подумать, что суровый и казавшийся мне нечеловечески ужасным в первую нашу встречу в канун моей, слава богам, неудавшейся свадьбы, монстр, окажется тем самым вихрастым неугомонным мальчишкой, которого я потеряла почти десять лет назад...

Мы никак не можем расстаться и говорим до самого рассвета. Так много надо рассказать! Как изменилась Ютландия за девять с лишним лет, как король Витольд, как матушка, брат? Ему интересно всё. Я рассказываю, а он спрашивает, улыбается, и я всё больше и больше узнаю в этом человеке того самого Идена.

Не скрываю, как усердно и отчаянно его искали в начале, но так и не найдя, замолкли о старшем сыне. Не то, чтобы эта тема стала табу, просто не знали, что делать. Не живым, ни мёртвым никто не видел. Конечно, в душе каждый надеялся, что наследник найдётся рано или поздно, и лучше бы живым.

Но за девять лет ожидание притупилось, и уже никто не сомневался, что преемником короны станет Кристиан. Безусловно, мысль о том, что Идена забрали в Тёмный мир, возникала, но верить в это никто не хотел, раньше на венценосных особ не покушались. К тому же, когда нашлась я, совершенно пришибленная, все подумали, что принца банально

украли какие-то недовольные бунтари, чтобы потом шантажом добиться привилегий, а меня чем-то хорошенько тюкнули по голове, отчего я лишилась памяти и не смогла ничего рассказать...

На прекрасное лицо моего короля набегает лёгкая тень грусти,

– Мне не хватало дома... очень, особенно вначале.

– Прости! – я сто раз, миллион, сколько угодно готова просить его о прощении, – мне так жаль, – но он улыбается в ответ,

– Всё в прошлом, Тина. Эта ужасная сказка будет со счастливым концом! Вернее, до конца ещё очень далеко, а счастье уже наступило...

Моё счастье целует и обнимает меня до рассвета, купает в ласках и нежности, словно в райской купели. Шепчет на ушко милые глупости, играет моими локонами, замирает от восторга в ответ на мои, сначала осторожные, робкие, а потом всё более смелые ласки.

Мальчик, который сразу был назначен мне в мужа родительской волей, оказался мужчиной, назначенным судьбой! Думала ли я, как буду себя чувствовать в качестве жены Кристиана? Представляла ли наше супружество в интимной, сокровенной его части? Никогда, ни разу в моих грёзах не появлялся будущий супруг. В смутных размытых мечтах всегда приходил некто, я думала, плод моих фантазий, не имеющий реального прототипа, а это был он, всегда только он

один! Теперь мои грёзы стали реальностью, и всё равно, в каком мире это случилось!

Если бы прямо сейчас передо мной вдруг открылся портал, пропуская в прежнюю жизнь, привычную, родную, совсем не такую суровую и кровожадную, я не шагнула бы за ту грань, что разделила нас на долгие годы. Только с ним, а если никак, то значит, теперь мой мир здесь. Где мой король, там и я!..

Наутро Сир, совершенно довольный собой уже вовсю пересекает в розовой рубашке. Слуги понимающе перешёптываются и улыбаются, но вопросов не задают, и так всё понятно. Я думала вернуться домой в своём же наряде, но к моему изумлению, здесь меня уже ждёт платье цвета утренней зари. Такое щемяще-нежное, такое чувственное, как сама любовь...

Дома я перебралась в розовую спальню. Не знаю, что за порыв такой, но душа вдруг вспылала любовью к этому цветку, я стала видеть всё вокруг через розовую призму, и мне это нравится...

– Самое время, – поддержала Милли, когда же ещё, если не сейчас.

Поскольку мы с Сиром, никак не можем расстаться и, в то же время, решили держаться правил, то наш роман с прогулками туда-сюда, происходит на глазах изумлённой публики. Но нам всё равно, мы счастливы и щедро делимся со всеми

своим счастьем. Пусть все видят, что мы поборники традиций Нуара, может быть тогда никому не придёт в голову уличить нас в нарушении главного закона?

И мы меняем жизнь этого жестокого мира, понемногу, по чуть-чуть, как умеем. Никаких кровавых зрелищ, никаких боёв, в Нуаре объявлена неделя празднеств в честь нашей помолвки. Кругом только цветы, танцы и добрые представления! Народ ликует, повсеместные гуляния объявлены для всех: и для свободных граждан, и для рабов. Масса поздравлений от едва знакомых и вовсе незнакомых людей... Эх, видела бы меня сейчас мама. Так жаль, что мы с Иденом не можем поделиться своим счастьем с родными.

Гардероб уже ломится от вороха розовой одежды, Милли всё никак не может остановиться, мне кажется, что подруга наряжает меня с таким вдохновением и энтузиазмом, каких у неё не набралось бы и для себя. У меня розовый период: я вся в розовом, жених в розовом, комната розовая и дворец тоже розовый. Это самый романтический, самый нежный этап моей жизни. Следующий красный станет поистине кровавым, но пока у меня всё в розовом цвете...

Когда мы поженимся, я переберусь в резиденцию Владыки. Сначала чёрный дворец пугал, но постепенно, бывая там, привыкаю. Он уединён, вокруг, ничего кроме буйства природы. Однажды Иден увлекает меня по одной из тенистых садовых аллей,

— Пойдём, что покажу! — я держусь за руку и следую за ним точно так же, как девять лет тому назад. Я опять та самая девочка, которая верит своему кумиру, как себе и ожидает только радостных сюрпризов.

И он не разочаровывает! Мы выходим на небольшую поляну, посередине которой стоят качели! В точности такие же, на каких мы качались, взлетая до небес в дворцовом саду в Юте. Ощущения возвращаются: радостно и страшно одновременно! Кажется, что на очередном подъёме, оторвусь и взлечу сама, счастье понесёт меня на своих крыльях в невероятную высоту. Туда, где слепит горячее нуарское солнце, щедро рассыпая свои лучи. Ветер свистит в ушах, я гляжу в счастливое лицо напротив меня: мальчишка! Тот самый, вернулся, будто и не происходило в его жизни ничего страшного и драматического с той поры. Он смеётся, серые озёра глаз лучатся сумасшедшим азартом, он раскачивает всё сильнее, выше и выше!

Это самая высокая точка счастья, которая запомнится навсегда и не даст упасть в бездну отчаяния, когда мы окажемся на самом краю...

Глава 24

Мы позволяем себе радоваться, как дети, кормим хлебом птиц на озере, они здесь совершенно не пугливы и берут крошки прямо с рук. Совершаем долгие пешие прогулки и катаемся верхом. Я уже не так опасаясь этих рогатых коней, могу погладить или даже почесать за ушком личного козавра Сира, он очень умён и любит ласку...

– Это тот же, что и на дисболе? – спрашиваю.

– Нет, конечно! – объясняет, – в состязаниях участвуют специально натренированные животные, а Фунти только для верховой езды.

– Фунти?! – точно, сам назвал, – помнишь, маленького пони из дворцовой конюшни? Его тоже звали Фунти.

– Ну, вот в честь него, – смеётся, нежно поглаживая мощного зверя по холке, – когда он родился, то был похож на того пони.

– Если он не для дисбола, то почему с рогами? – недоумеваю, – в упряжки ставят безрогих.

– Фунти не знает упряжку, ходит только под седлом, и потом, я его очень уважаю, чтобы лишить такой красоты и гордости.

– А, если боднёт? – мне очень беспокойно, когда рядом с любимым всё время находится опасный зверь, Уго говорил, что козавры довольно агрессивны.

– Он тоже меня уважает, к тому же я растил его сам. Ты у нас воспитанный мальчик, правда, Фунти? – чмокает монстра прямо в чёрную мочку носа. Тот в ответ довольно фырчит и норовит облизать хозяина своим огромным розовым языком. Мы смеёмся, и я перестаю видеть в козавре источник опасности...

– Иден, а что ты делал до того, как стать Сиром?

Не мог же он, в самом деле, сразу из бойцов претендовать на корону Владыки?

– И-ден... – повторяет задумчиво, словно пробуя на вкус своё собственное имя, – я ведь его уже почти забыл. Знаешь, как-то даже непривычно.

– Ты хочешь, чтобы я называла тебя Балтом? Или даже Сиром Балтазаром? – с тех пор, как я узнала его, хочется называть только Иденом, по крайней мере, когда мы наедине.

– Нет! Ни в коем случае! – протестует, – только Иден, и уж, конечно, для тебя я не Сир Балтазар!

– Расскажи мне, не Сир Балтазар, как ты жил последние годы? Уго говорил, что давно был свободен.

– Не только свободен, но и довольно богат, – подтверждает.

– Как тебе это удалось? – мой милый просто кладёшь сюрпризов.

– Бои слишком дорогое удовольствие, Тина. Свободный человек может делать ставки. И я ставил на себя всё. Арена не оставляет богатого выбора: или жизнь, или смерть,

третьего не дано. Значит, можно ничего не откладывать на чёрный день, – грустно смеётся, – он просто не наступит... Таким образом, мой капитал быстро нарастал, потому что на каждый следующий бой я ставил почти весь выигрыш с предыдущего.

– Но, слава богам, остановился, – сердце заходится от запоздалого страха, что мы могли и не встретиться никогда, если бы он хоть раз проиграл. Я прекрасно помню, какова максимальная награда побеждённого: его прикончит победитель, освободив от самоубийства!

А Иден невозмутим,

– Да, когда в соперники выставили Уго, – тут уж мне совсем нехорошо становится, но он успокаивает, – отказался по праву свободного гражданина.

– Ты так безразличен, когда говоришь страшные вещи?

– Это повседневная жизнь здесь, ко всему можно привыкнуть...

– Мог бы остановиться на этом: свободен, независим, богат...

– Не мог! – протестует, – к этому времени, я уже почувствовал свою силу, и желал большего... После того, как увидел изнанку этого мира, захотелось перетряхнуть тут всё...

– Это ж, какую уверенность в себе надо иметь! После всех-то мытарств и унижений! – поражаюсь.

– Не забывай, любимая, что до пятнадцати лет меня растили будущим королём, – напоминает и легко чмокает в нос,

как маленькую наивную девочку. Впрочем, каковой я и являюсь по сравнению с ним...

– К тому же, был ещё один веский аргумент, – улыбается лукаво, – самый главный!

– Какой?

– Мне никто не позволил бы тебя забрать, если бы я не был Сиром...

В одну из прогулок по дворцовым угожьям, выходим к тихой речной заводи, жаркий день утомил, и речная прохлада манит окунуться в искристые воды.

– Давай! – увлекает любимый, кивая в сторону реки, – нас никто не увидит!

– Но, как?!

Иден быстро сбрасывает лёгкие сандалии, которые он себе позволяет лишь в неофициальной обстановке, не мешкая ни минуты, рубаху и брюки, и, оказавшись в мгновение, абсолютно обнажённым, ныряет, обдавая меня каскадом брызг. Взвизгиваю, как девчонка. Он выныривает мокрый, счастливый, манящий. Бросаю сомнения, снимаю платье и, помявшись, бельё, слава богам, никаких корсетов, всё просто.

Думаю, в таком жарком климате здешние женщины бы вымерли, вздумай они перенять нашу моду. По обнажённому телу пробегают мурашки, не то чтобы я озябла на жаре, но ощущения именно такие. Сир, не скрывает своей заинте-

ресованности, не то, что не делает вид, будто разглядывает каких-нибудь рыбок в воде, или растения на берегу, напротив, не сводит с меня глаз!

– Отвернись хоть, бессовестный! – смеюсь, торопливо прячась в воде.

– С, чего бы? – удивляется, – ты же меня разглядывала!

– Я не знала, – оправдываюсь, – мы козавров пошли смотреть, а наткнулись на вас!

– Конечно, козавров! Я и не сомневался! – дразнится, смеётся и не верит ни единому слову!

Вот, что тут будешь делать? Ничего не остаётся, как забрызгать этого наглого мальчишку! И я, что есть силы, луплю ладонями по воде, сгребаю её пригоршнями в его сторону, лишь бы не видеть эту самодовольную хулиганскую мину. Иден не остаётся в долгу, брызги с его стороны не в сравнение выше и сильнее.

За азартной битвой не замечаю, как подходим друг к другу всё ближе и ближе. До тех пор, пока не оказываемся на расстоянии его вытянутой руки, но и тогда осознаю близость, лишь попав в объятия своего хохочущего ловкого противника.

Сначала он только пытается лишить меня возможности противостоять ему, но всего несколько мгновений контакта переносят нас в совсем другие чувства и желания. Его мокрые настойчивые губы ловят в свой плен мои, руки ложатся на плечи и стекают вместе с водой вниз по спине, пробегают

вдоль позвоночника, вызывая мурашечный трепет, оседают на талии, будя скрытые, спящие желания.

Он прижимает меня к себе, так тесно и так сладко, что замирает сердце, вмиг обдавая жаром горячего тела, ни капли не остуженного прохладой воды. Я чувствую его везде и всем, губами, грудью, животом, бёдрами, своими ладонями, обнимая и лаская в ответ. Под моими пальцами его влажная бархатистая кожа оказывается не менее уязвимой, чем моя. Иден чувствителен и возбуждён. Дыхание его становится неровным и будто рваным, тело напрягается, из груди вырывается стон, не похожий на стон боли и отчаяния. Это горланное,

– М-м, – вызвано, чем-то другим, доселе мне не ведомым. Я бы сказала, что так стонать можно, отведав какого-нибудь вкуснейшего яства. Это стон немого восхищения. Но он глубже, в нём и восторг, и томление, и желание! Да, да – это желание! Я осознаю, что мы подошли к черте, за которой невозможно остановиться. И не хочется, я тоже желаю его отведать. Ещё не попробовав, знаю, мне понравится! Мне уже нравится, я готова принять моего короля и, сама этого хочу не меньше, чем он. А тот любовный роман, которым опасно зачитывалась по ночам – полная чушь, реальность намного восхитительней, чувственней и прекрасней!..

Понимая мои ласки, как одобрение, любимый выносит меня на берег, под тенистую иву, или не иву, но такую же плакучую, уронившую длинные серебристые ветви в воду и

купающие их в реке, словно волосы русалки. Я лежу на мягкой шелковистой траве, совершенно обнажённая и свободная, будто продолжение матери природы: этой воды, играющей солнечными бликами, этой травы, согревающей теплом нагретой земли, этого звенящего особенной тишиной воздуха, пения птиц и шелеста листвы.

И мой любимый – тоже природа, такой же естественный, как солнечный свет в погожий день, как долгожданный тёплый дождь для измученной засухой земли, и значит, всё, что есть между нами, тоже природное таинство, как дыхание ветра, играющего высокими травами в лугах и журчание серебристых вод. И мы идём по наитию, как первые люди, ступившие на землю, наивные и мудрые в то же время, ценя и любя каждую точку, каждую клеточку друг друга, каждый вдох и удар сердца.

Наверное, мы слишком торопимся, нарушая все каноны и здешнего, и нездешнего мира. Но река нас не выдаст, и солнце не предаст, и ветер не понесёт наши страстные стоны на суд толпы, наши свидетели немые и единодушные с нами. Для них мы давно уже муж и жена, и перед солнцем, и перед луной и перед богами тоже. Ещё с того самого дня, когда мой маленький король впервые назвал меня своей королевой, а я поклялась ему в вечной любви и верности...

Глава 25

В моей романтической комнате есть бюро, очень милая вещица, редкая, изящная и по-особенному красивая. Идеально-зеркальная столешница красного дерева отполирована до блеска, выдвижные ящички украшены позолоченными инкрустированными ручками. Я разложила в них все свои мелочи и безделушки. Вот только один ящичек никак не поддаётся. Прошу Уго, чтобы приложил силу, только бы не сломал. Но парень разбирается в таких вещах, говорит,

– Не заело, просто заперто, а замок хитрый, не каждый ключ подойдёт. Ну, всё! У меня идея фикс: открыть это мудрёный ящичек, вдруг поджидает там, какой-нибудь секрет?..

Сир теперь частенько заезжает в розовый дворец. Милли уже не так остро реагирует на его присутствие, и я иногда вынуждена оставлять их наедине, ненадолго отлучаясь по хозяйским мелочам. В одну из таких коротких отлучек, возвращаясь, слышу серьёзный разговор между ними. Не в моих правилах подслушивать, всё же благородная дева, но что-то останавливает, стою, не жива, ни мертва,

– Сир, ни в коем разе, не решилась бы оспаривать вашу власть и право владыки Нуарленда! Но Вы же прекрасно осведомлены, что это нарушение брачного закона основного Статута! – горячо настаивает подруга.

– Я знаю, Уго, ты знаешь, – соглашается Иден, – знаем и

молчим.

– Всегда найдётся тот, кто не станет молчать.

– И, что ты предлагаешь, реи? – недовольно интересуется.

– Себя, – робко отвечает Милли, чуть замявшись.

– Что это значит? – голос Идена леденеет, а у меня леденеют руки. Спасибо тебе, подруженька! Вот, значит, какую змеюку я пригрела у себя на груди!

– Это значит, что для всех, Вы возьмёте в жёны меня, а Тина всегда сможет быть рядом, на правах моей подруги, – Милли заикается на каждом слове, но твёрдо излагает своё безумное предложение.

– И в качестве моей наложницы, как я понимаю? – в голосе Сира сквозит неприкрытый сарказм, даже не сквозит, а прямо дует.

– Вы правильно понимаете, Сир, – почти шёпотом подтверждает моя верная подруга.

– Ну да, а законная Сира потом обвинит свою якобы подругу в прелюбодеянии с супругом, и бедняжку с позором выкинут за ворота!

– Как Вы могли помыслить такое, Сир?! – мне кажется, Милли начинает всхлипывать, но потом берёт себя в руки, и я слышу, как достоинство и обида звенят в каждом слове, – извините, что дала повод так думать! В моих намерениях было только уберечь Вас и Тину!

– Благодарю тебя, благородная реи, за великодушное предложение, но оно не приемлемо! – Иден смягчает ответ,

но стоит на своём, — только Тина станет Сирой для меня, или никто! И считай, что я ничего этого не слышал! — не слышал он, как же! Я, зато слышала, и в глубине души уже копошится червь сомнений, выгрызая целые ходы и норы, а по ним расползается тревога. Нет, я не жду измены от любимого, ни секунды в нём не сомневаюсь. Но то, что вполне могут найтись доброжелатели и раскроют нашу тайну, мне совсем не представляется нелепостью. Чем это может нам грозить? Чем это грозит Идену?..

Ещё одна капля сомнений и тревоги падает мне на сердце, чёрная капля. Принесённая моим чёрным соглядатаем. В один из дней короткого розового периода, своим вниманием меня почтил мастер Йорг. Он явился без приглашения, в отсутствие Сира. С чего бы мне приглашать мага, коего считаю главным тёмным жрецом Нуара и, всячески стараюсь избегать его внимания и мнимой заботы. Обычно, если попадаю ему на глаза, всё внимание забирает на себя Иден, чувствуя мой дискомфорт, в присутствии мага и оберегая. А сегодня и спрятаться некуда, явился без предупреждения. Нет рядом широкой спины моего любимого, а Уго, не по чину контролировать мага.

— Рад видеть Вас, прекрасная реи, — приветствует незваный гость, растягивая губы в доброй улыбке и в то же время, сверлит меня своими угольными глазами.

— Добрый день, мастер Йорг! Чем обязана, что почтили

своим присутствием? – тоже не скуплюсь на любезности, а внутри аж желудок скручивает от тревоги. Так неуютно себя чувствую, словно голая, перед ним стою.

– Не будете ли столь любезны, реи Тина, показать мне Ваш прекрасный сад?

– Отчего же, пойдёмте, – соглашаюсь, – а хотите, покажу и дворец?

– Не стоит, я когда-то здесь бывал...

Проходим в сад, только что ему показывать? Он сам ведёт меня по-хозяйски, увлекая всё глубже в сень деревьев. Насколько понимаю, садом маг не интересуется, хочет убраться подальше от посторонних ушей. Наконец, останавливается на приличном расстоянии от дома,

– Вы, наверное, догадались, что мой визит вызван не праздным любопытством? – глядит в упор, не моргая, и улыбки уже нет.

– Догадываюсь, – что ещё ему ответить!

– Как иноземка, Вы можете не знать законов Нуара, Вам простительно, – начинает маг, а я чую недоброе.

– Спасибо, ещё не привыкла. Я, что-то нарушила, мастер Йорг?

– Пока нет, но возможно, нарушите, и я должен поставить Вас в известность.

Молча киваю и жду, а он продолжает,

– Вы понимаете, что означают Ваши розовые одежды? – прихватывает двумя пальцами складку моего платья в райо-

не груди.

– Да... Я – официальная невеста Сира Балтазара! Это преступление? – отвожу его руку.

– Почти, но не смертельно. А вот женой Сира, вы стать не можете, – продолжает безапелляционно. Я так и знала!

– Но таково решение владыки! – упираюсь.

– Вам надо отказаться, реи! – давит Йорг.

– Не могу, я люблю Балтазара, и он меня тоже любит!

– Не хочу огорчать, но это не имеет ни малейшего значения в свете законов Нуарленда и плохо кончится и для Вас, и для него!

– Если Сир принял решение, то не смею препятствовать, тем более, я ему доверяю! – и всегда доверяла.

– Моё дело предупредить, реи, – пожимает плечами, вроде бы равнодушно, но угрозу в голосе не скрывает, – не пожалейте об этом...

– Благодарю за предупреждение, мастер Йорг! – я учтиво холодна с ним, а в душе полное смятение. Стараюсь себя не выдавать. Но тут маг выдаёт себя сам,

– Да пойми ты, самонадеянная девчонка, что есть Брачный закон Основного Статута, и его попирашь нельзя!

– Никто не попирает бы закон, – держусь из последних сил, – если бы в нём были исключения! Вы может быть не в курсе, мастер, – добавляю в голос сарказма, – но исключения, лишь подтверждают правила! – помню школьный курс математики, спасибо нашим настойчивым учителям.

– Какие ещё исключения?! – взвизывает он, совсем уж теряя самообладание. Похоже, мастер не был прилежен в учёбе, или у них тут своя математика? – представьте, каково тем, для кого не нашлось исключений! Что они будут чувствовать? Сир переписывает законы по своей прихоти, наплевав на безопасность государства!

– Значит, не любили эти, кто-то! – парирую удар, – и безопасность тут приплетать не стоит! – меня, будто тянут за язык, и я продолжаю, – Вы! Именно Вы, Мастер Йорг, первым нарушили закон!

У мага от этих слов, кровь отливает от лица, делая его поистине ужасным: белая маска с угольно-чёрными впадинами глаз, словно с двумя безднами,

– Что Вы об этом можете знать, наглая девица?! – он, как горячими гвоздями, буравит меня взглядом, пытаюсь не то проникнуть в мысли, не то убить.

– Да, всё знаю! – противостою из последних сил, – Вы сами открыли портал Сиру Балтазару, чтобы он меня забрал! А ведь по закону можете забирать только мужчин!

– Но пиги... – начинает он, опуская свои жалящие гвозди, то ли не достигнув должного эффекта, то ли, передумав убивать.

– Я Вам не пиг! Я – принцесса! – мне становится значительно легче, после того, как Йорг выключил воздействие, – с нашей стороны женщин не забирают. А Вы забрали, сами поправ закон!

– Сир Балтазар был слишком настойчив, и я не смог ему отказать, – вздыхает устало, – предполагал, к чему это может привести...

– Вот и привело, чего уж теперь на законы пенять, – говорю примирительно, – коготок увяз, всей птичке пропасть... Не воюйте с нами, мастер, лучше помогите...

– Похоже, нам так и не суждено перейти на ты? – переводит внезапно тему, вроде бы смягчившись, и оправляя им же оттянутую складку на моём платье.

– Думаю, и не стоит! – не верю ни внезапной мягкости его речей, ни наигранной заботе.

– Не пожалейте об этом, реи, не пожалейте... – подтверждает мою подозрительность.

– Я думаю, Вы не позволите пожалеть? – звучит уже, как просьба, но что делать? Я же не хочу, чтобы маг всё испортил.

– Как знать, – пожимает плечами, углубившись в свои мысли. Потом, словно стряхнув невидимый груз, распрямляется, сделавшись ещё выше, и прощается, – что ж, всего хорошего, прекрасная реи Тина, рад был повидаться! – раскланивается, касаясь моей ладони по здешнему обычаю, – не провожайте, я знаю дорогу, – и резко развернувшись на пятках, уходит. А у меня от его прикосновения, мороз по коже, и это в такую-то жару...

– Что он хотел? – тревожится Уго, заждавшись меня у крыльца.

– Ничего, визит вежливости! – что отвечать? Йорг прав, закон-то на его стороне, а готов ли он промолчать?..

Идену само собой всё рассказываю при ближайшей же встрече. На моё удивление, любимый спокоен,

– Я поговорю с ним, Тина.

– Думаешь, его можно переубедить?

– Думаю, аргументы найдутся, – отвечает, не вводя в подробности. И я выдыхаю, доверяясь моему королю, как всегда...

Глава 26

А потом начинается предсвадебная кутерьма. Не представляю, как проходят брачные церемонии в Нуарленде, волнуясь... очень. Ещё совсем недавно я готовилась совсем к другой свадьбе. В Ютландии весь обряд проходит в Главном храме столицы. С учётом того, что узами брака сочетаются наследный принц и принцесса другого государства, торжества продумываются задолго до намеченной даты.

Всё, от списка приглашённых гостей до размера десертных вилок на банкете, обсуждается на заседаниях специального организационного совета, что уж говорить о наряде невесты. Мой начали готовить за год до свадьбы. Несколько вариантов дизайна были полностью отшиты, из этих образцов выбрали три подходящих с учётом возможных сюрпризов погоды в день свадьбы и даже, цвета неба в тот день. Королева Ютландии Ядвига принимала непосредственное участие в подготовке. Одних примерок пришлось пройти не меньше сотни! В результате, в день моего несостоявшегося замужества я напоминала взбитый сливочный пудинг...

В Нуаре всё оказалось значительно проще: ко мне прислали главного мастера по пошиву женского платья, он снял мерки, через некоторое время привёз в розовый дворец несколько образцов ткани на выбор и украшения для отделки. Нечего и говорить, что Милли приняла в этом деле самое

живое участие, я во всём полагалась на неё. У моей подруги замечательный вкус и чувство стиля, в этом я уже убедилась.

И мастер оценил её таланты, да и сам превзошёл себя. Такого шикарного наряда у меня прежде никогда не было! Ни на что не похоже! Алое по фигуре платье из тонкой, нежной ткани полностью обнажает спину и струится по бёдрам до самого пола, уходя сзади в сужающийся длинный шлейф. Неужели, никаких обручей по подолу, никаких корсетов из жёсткого китового уса и пышных рюшей, заставляющих чувствовать себя необъятным облаком? Но как изысканно и утончённо, и сексуально... очень!

Оттенок наряда был согласован с личным главным мастером мужского платья, который отшивал брачный наряд для Сира. Всё должно совпасть и соответствовать...

Из приглашённых гостей в основном мне все уже знакомы. С учётом того, что в Нуар не могут попасть высокие гости из других государств, всё должно получиться более спокойно и по-особенному интимно. Конечно, если можно применить это слово к таинству, которое происходит на Главной площади столицы в присутствии многотысячной толпы. Банкет для гостей решено провести в чёрном замке Сира, и туда приглашены очень немногие.

– Я понимаю, тебе это непривычно, помню, какие балы закатывают в Юте по любому поводу. Прежний Сир тоже поражал размахом дури. Но я – не он!

– Значит, нарушаешь традиции? – мне-то, чем меньше,

тем лучше, всё равно, никого не знаю, но не время бросать вызов обществу, когда успех нашего мероприятия висит на волоске.

– Перед кем тут выставляться, Тина?! – говорит так, будто оскомина навязла, – по здешней знати через одного виселица плачет! Я хочу видеть рядом с нами в самый главный день только тех, кому доверяю...

– Тебе виднее, Иден, – прав, конечно, прав. Эти мерзавцы наверняка видели его рабом или делали ставки, когда кровь проливал на арене. Уверена, считают безродным выскочкой, которому просто повезло. Зачем они нам в самый светлый день?..

Да, жизнь наложила на Идена свой тёмный отпечаток не только клеймом на лбу, но и намного более тяжким бременем на душу. Мой король сильно изменился за годы жизни в Нуаре, в детстве он ничего не имел против пышного торжества и праздничного фейерверка на полночи, наверное, тогда это было основным пунктом мероприятия...

И вот, наш самый главный день, который будем хранить в памяти и рассказывать о нём потомкам, настал!

Боги! Сколько же народу собралось, чтобы взглянуть на торжество, отпраздновать вместе с нами! Бракосочетание самого Владыки Нуарленда – основное событие не то, что года, может быть и нескольких лет. Мы прибываем в открытой карете, специальной, для самых значимых мероприятий. В

упряжке три совершенно одинаковых холёных козавра. Их спины и бёдра так вычищены и чем-то смазаны, что лоснятся и блестят на солнце, хвосты и гривы убраны в красивые косички с вплетёнными красными тесьмами. Вся карета украшена яркими алыми лентами и цветами. Мы тонем в цветочных ароматах. Погода в Нуаре никогда не подводит.

До полудня ещё далеко, поэтому бессменное нуарское солнце пока не сильно раскалило воздух, легкий утренний бриз играет лентами и хоть немного остужает мои щёки, которые горят огнём. Волнуюсь, Иден крепко держит за руку, стараясь унять, напавшую на меня дрожь. Каретой с облучка управляет нарядный кучер, а сзади на запятках словно статуи застыла пара пажей. Все трое в парадных бело-красных мундирах с жёлтыми металлическими пуговицами, горящими золотом на солнце. Сзади торжественный эскорт дворцовых гвардейцев верхом на козаврах.

Мы медленно въезжаем на площадь, Народ расступается, чтобы пропустить наш экипаж. Излюбленное место народных гуляний и массовых зрелищ – главная городская площадь украшена гирляндами из живых цветов и расцвечена флагами. Дворцовый оркестр играет торжественную радостную музыку, перекрывая шум нарядной толпы. Солнечные блики, отражаясь от начищенных труб и литавр, слепят глаза...

Кучер останавливается возле места торжества, Иден подаёт мне руку, и помогает выбраться. Дорожка к подиуму вы-

стелена бордовым полотном, по обе стороны вдоль неё красивые девушки в белом, осыпают нас из корзинок лепестками цветов. Боги, как же всё прекрасно! Поверить не могу, что это наше бракосочетание в страшном Тёмном царстве! И не предполагала, что оно может оказаться таким прекрасным, таким нежным и трепетным. Милее и душевней праздника и придумать сложно! Куда Ютландской чопорности или Мигонской суровости до такой лёгкой воздушной сказки!..

Мы поднимаемся на высокий обтянутый белой тканью постамент в центре, так чтобы всем пришедшим на праздник нас было видно. Сверху его венчает арка, богато украшенная опять же живыми цветами, нежный цветочный аромат сопровождает повсюду. Я не могу отвести глаз от моего Сира. Боги! До чего же он красив сегодня! Алая рубашка свободного кроя очень идёт его загорелой коже, она заправлена в узкие чёрные брюки, здесь он верен себе, отчего силуэт напоминает цветок, именно мак и напоминает! Белые волосы убраны в особенную, красивого плетения косу, открывая мужественную мускулистую шею. Голову венчает та самая корона, которую я видела в тронной зале.

Моё чудесное красное платье с длинным шлейфом эффектно оттеняет тёмные почти чёрные локоны, собранные только сверху, дорогие украшения и нежный макияж – всё с участием, конечно же, Милли, которая сейчас неподалёку вместе с Уго, искренне радуется и сопереживает нашему событию.

Иден улыбается мне, сам немного волнуясь от торжественности момента. Народу полно, все стараются подобраться поближе к месту церемонии, толпа ликует. Наконец-то не от кровавых развлечений, а от мирных радостей.

По периметру постамента выстроились личные гвардейцы Сира, суровые и в то же время радостные лица, почти все мне знакомы, в форме дисболистов они смотрелись по-другому. А сейчас на парнях торжественные белые одежды с алыми повязками на левом рукаве, красные береты и такие же тонкие перчатки, в руках вместо положенного оружия по красной розе на длинном стебле. Это я попросила, чтобы немного смягчить здешние суровые нравы. Праздник, всё-таки, да и традиции надо новые вводить. Мирные.

Всё чинно, благородно и торжественно. Конечно, совсем по-иному, чем в Ютландии или Мигоне, но мне это нравится даже больше.

А вместо священника, ритуал проводит маг, выступая в роли жреца. Йорг, как всегда, в чёрном, он торжественен, сдержан и невозмутим. В венчальной чаше уже курятся благовония, маг подкладывает туда ещё что-то, всё готово к таинству. Выдыхаю: если верховный маг, всё-таки, взялся за ритуал, значит, у Сира действительно нашлись весомые аргументы... Мы с Иденом самые счастливые сегодня, почти свершилось, никто не встал на нашем пути. Йорг подносит кубок с ритуальным напитком, на дне его золотятся брачные браслеты. Как только вино будет выпито до дна, мы с люби-

мым обменяемся ими, и уже никто не вправе будет нас разлучить, только смерть. Но я верю, что это случится скоро...

Иден принимает кубок и, отпив половину, передаёт мне. Вино красное, как и наши подвенечные наряды, терпкое и ароматное, запомню этот вкус навсегда... Вот и браслеты открылись, можно вынимать... Но не успеваем...

Начинается наш бесконечный персональный ад...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.